

18+

Айрин Бран

Цвет стали

Летопись Подлунного мира

Айрин Бран

**Цвет стали. Летопись
Подлунного мира**

«Издательские решения»

Бран А.

Цвет стали. Летопись Подлунного мира / А. Бран —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-531570-0

Мирэй наказывает жестоко. Император Маэль ар Вариар мстит тем, кто посмел напасть на его империю. Впрочем, даже завершив эту войну, императору не придется думать о спокойной жизни. Внутри империи зреет новая война, а еще появились и новые враги. Кто они? Никто не знает. Эльфийскому королевству тоже остается только мечтать о покое. Мятежники строят новые планы, а где-то на просторах Элеана проснулся темный бог, чья жестокая душа требует власти и жертв. А Селеран буквально затопил цвет стали.

ISBN 978-5-00-531570-0

© Бран А.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
Часть пятая. Затаившееся пламя	9
Глава первая	9
Глава вторая	28
Глава третья	36
Глава четвертая	48
Глава пятая	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Цвет стали Летопись Подлунного мира

Айрин Бран

Редактор Анна Спектор

Дизайнер обложки Анастасия Еловикова

© Айрин Бран, 2021

© Анастасия Еловикова, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-0053-1570-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Сверкнул клинок, вновь кровью напоён.
Красив и ровен, танец граней безупречен.
Закатным солнцем полон небосклон.
Таков цвет стали настоящий! И он вечен!
Алекс А.*

*Войны часто начинаются из-за женщин, но как
часто они заканчиваются благодаря им?*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мечь... Сладкая, словно мед. Пьянящая, как выдержанное дамийское красное. Прекрасная, как рассвет в горах после долгой холодной ночи, когда появившийся над вершинами край солнца обещает тепло. Это прекрасное и опьяняющее чувство, чувство мести заструилось по ее жилам, вызывая желание дышать, жить и, конечно же, мстить. Она давно не испытывала такого всепоглощающего огненного чувства, которое искрится и заставляет идти вперед и что-то делать. Как же было приятно наблюдать за беспомощностью своих врагов, как приятно было осознавать, что все, кто причинил ей вред, даже в мыслях, даже не осознавая того, теперь ответят перед ней, в полной мере. Она не хотела останавливаться. Она только начала. Только сделала первый шаг. Они могли молить о пощаде, но она не подарит им такой милости. Никогда и ни за что.

– Госпожа, – голос слуги вырвал ее из мстительных мечтаний, когда она уже мысленно убивала своих главных обидчиков, сомкнув пальцы на их горле.

– Госпожа?! – взвизгнула женщина, отвесив рабу оплеуху. – Как ты смеешь?! Как ты смеешь говорить такое?! Обращайся ко мне как положено!

– Но... – мужчина, одетый в безликие, грубые серые одеяния, сжался в комок, прижимая ладонь к щеке.

– Обращайся ко мне, как положено, раб, – теперь она буквально рычала, как рычат разъяренные львицы перед броском на соперницу, прежде чем вцепиться той в глотку зубами и почувствовать языком теплую, сладкую кровь. – Ты меня слышал?!

– Пожалуйста... – мужчина весь сжался в комок, словно пытаясь стать как можно меньше, исчезнуть из поля зрения разъяренной хозяйки. – Не надо...

Он понимал, что сильно рискует сейчас, когда хозяйка в такой ярости. Он понимал, что его упрямство может стоить жизни: его хозяйка пребывала в отвратительном настроении с тех самых пор, как оказалась здесь. Ее обычная самоуверенная наглость и высокомерие, к которым они уже начали привыкать, сменялись приступами неконтролируемого гнева, который обрушивался на всех вокруг. Рабы и свободная прислуга боялись лишней раз подходить к хозяйке, опасаясь оказаться привязанными к столбу для порок и расстаться с жизнью под ударами ее кнута. Она сама наблюдала за тем, как живых людей палачи превращают в кусок кровавого мяса, лишь кровожадно облизывая губы. Она сама бралась за кнут и с силой направляла его змеице в спины наказываемых по ее прихоти. Она с особым чувством смотрела на то, как кнут рвет кожу, как кровь веером разлетается в разные стороны. Иногда она с каким-то особым вождением облизывала губы, наслаждаясь происходящим. Никто не мог сказать, что случилось с ней, и в какой момент она превратилась в монстра, для которого запах и вид крови, а также мучений человека, стал чем-то пьянящим, как выдержанное вино. Здесь мало, кто помнил, какой она была раньше, до того, как оказалась здесь.

Раб все это понимал, сжимаясь в комок, в ожидании неотвратимого наказания за неповиновение. Об этом говорил убийственно-холодный взгляд хозяйки. Никто не знал, когда глупая самолюбивая девчонка обратилась в это чудовище, но пожинали это преобразование все. От ее отца, совершившего много ошибок до самого последнего раба, который выгребал отхожие места свободной прислуги. Мужчина понимал, что ему грозит. Он осознавал, что жить ему оставалось недолго, но он не мог сделать того, что требовала эта женщина. Он не мог пойти против богов, как того требовала она. Наказание от богов его страшило куда больше, чем кнут в руках смертной. Он не мог...

– Обращайся ко мне, как положено! – вновь взвизгнула женщина, выхватывая палку из рук ближайшего воина и со всей силы ударяя раба. – Ты меня понял?! Обращайся, как положено!

Тот сжался еще больше, прикусив губу, во рту разлился сладковатый вкус крови. Полированное дерево с размаха врезалось в его тело, заставив его выгнуться от пронзившей боли. У сирдана была очень плотная древесина, мало отличающаяся от стали, и поэтому каждый удар, наносимый хозяйкой, причинял рабу страшную боль и мог стать последним. Всякий раз он слышал, как трещат кости, как рвутся мышцы. Казалось, что тело взрывается тысячами иголок, заставляя мужчину вжиматься в камень.

– Как положено! Слышишь меня? Я заставлю тебя выполнять мои приказы! Я заставлю тебя уважать меня! Это обращение! Оно мое по праву! Это мой титул! Я его заслужила! Называй, как положено! – шипела женщина, то и дело срываясь на крик и визг, каждое ее слово сопровождалось сильным ударом сирдановой палки.

Сначала открытые участки тела раба покрылись красными пятнами от полопавшихся под кожей сосудов, а затем лопнула и сама кожа. Брызнула кровь. Ее красные капли заляпали и дорогое шелковое бледно-голубое платье женщины, и лицо. Она облизнулась, размазывая по щекам пахнущую металлом жидкость. На ее лице заиграла довольная, умиротворенная улыбка. Она растерла каплю крови между пальцами, принялась, а потом облизнула их.

– Бросьте его собакам. Пусть хорошо позавтракают, – бросила женщина, отворачиваясь от жертвы своего безудержного гнева.

Двое воинов ее отца подхватили раба под руки, и потащили было прочь, но женщина знаком остановила их. Она протянула руку и сжала подбородок раба тонкими, похожими на когти, пальцами, и заставила его поднять на нее взгляд. Мужчина с трудом разлепил веки и посмотрел в перекошенное гримасой удовлетворенной ярости лицо.

– Или ты готов исполнить мой приказ? – ее голос звучал одновременно угрожающе, торжествующе и издевательски. – И обратиться ко мне, как полагается.

– Не могу, госпожа, – едва слышно пробормотал тот в ответ. – Я не могу пойти против богов

– Исполни, и я тебя помилую на этот раз, – она словно издевалась над ним, и мужчина это понимал.

Раб отрицательно покачал головой, закрывая глаза, отдаваясь всепоглощающему чувству боли.

– Ты сам выбрал свою судьбу. Я давала тебе шанс. Убрать отсюда эту падаль.

Женщина брезгливо отдернула подол платья, освобождая дорогу для воинов и уносимого ими бедолаги. Она потеряла к нему интерес, обратив свой взор на выстраивавшиеся в походный порядок лохосы, что направлялись к мятежному городу Ириду, который не признавал власти своей герцогини и своей императрицы. Скоро, очень скоро все ее обидчики умоются собственной кровью, как этот несчастный, глупый раб. Она не подарит свою милость никому из них. Ни единой живой душе. Месть сладка. А она слишком долго ждала, когда сможет отомстить всем им. Всем до единого. За каждый косой взгляд, который они посмели бросить в ее сторону. Женщина облизнула губы, ощутив на языке вкус крови. Он показался ей слаще меда.

Часть пятая. Затаившееся пламя

Глава первая

*Третий месяц лета милтар. Тридцать седьмой день месяца.
144 год от рождения империи*

Чем дальше уезжали они от небольшого форта императорской гвардии, затерянного среди лесов северо-запада Мирэй, и приближались к столице империи, тем больше становилось пыли. Казалось, что она висит в воздухе и не оседает на дорогу. Пыль заполняла все вокруг, через ее взвесь с трудом пробивались лучи дневного светила, она проникала в возок даже сквозь плотно задернутые занавеси, даже через смоченные водой платки. Жаркая погода заставляла их платки быстро высыхать, что лишало людей этой ненадежной защиты. Эмрия арэ Вариар, вдовствующая императрица Мирэй, молила богов о дожде, который прибил бы вездесущую пыль, спасая их от необходимости держать платки у лиц, дышать сквозь надушенную сиреневой водой ткань, надеясь, что влага не испарится столь быстро. Но молитвы не помогали. Пыль, казалось, проникала всюду, даже сквозь мокрую ткань, заставляя пассажиров кашлять и буквально задыхаться от удушающего свербления в горле, когда казалось, что кто-то огромный и опасный царапает горло изнутри, пытаясь выбраться наружу. В такие моменты Эмрия приказывала вознице остановиться.

Она и сопровождавшая ее служанка буквально вываливались из возка, не дожидаясь, пока он полностью остановится. Но и это не спасало от пыли, которую поднимали колеса крестьянских телег, скрипевших по тракту мимо застывшего возка. Люди погоняли мохнатых лошадок или волов, запряженных в телеги, бросая возмущенные взгляды на остановившийся на тракте возок с запыленным гербом на дверце и всадников, в которых легко можно было узнать императорских гвардейцев. Их фиолетовые плащи буквально горели в лучах полуденного солнца, пробившихся сквозь пылевое облако, повисшее над трактом, словно бросая вызов небесам, богам и любым врагам империи Мирэй, а главным образом врагам ее правителей.

– Встали тут посередь дороги, понимаешь... – Эмрия обернулась на скрипучий старческий голос. – Не проехать теперь...

– Простите нас, добрый человек, – улыбнулась она в ответ на эти слова, стараясь сдержать кашель. – Мы скоро снова двинемся в путь.

– Да, чавой там ужо. Стойте на здоровья. Я ж ить не гоню вас. Стойте, чавой ужо там, – старик, сидевший на облучке телеги, грузенной толстыми бревнами, махнул рукой. – Отдохну хоть, а то носишься и носишься, носишься и носишься... Сесть и о смерти подумать некогда.

Его серая в гречку лошадка, казалось, была столь же стара, как и сам дед-возница. Она с большим энтузиазмом восприняла остановку, согнула заднюю ногу и отвесила нижнюю губу. Дедок же в свою очередь достал булку серого хлеба и принялся ее есть, то и дело отламывая маленькие кусочки от нее и отдавая своему напарнику. Молоденький вихрастый парнишка рассеянно брал эти кусочки хлеба, все его внимание было сосредоточено на том, чего он никогда не видел в своей короткой жизни. Паренек внимательно рассматривал гвардейцев, восхищенно скользя взглядом по их добротным доспехам, отражавшим скудный солнечный свет. Он с каким-то особым вожелением посмотрел на их шелковые шарфы и плащи глубокого фиолетового оттенка.

– Чего зенки выпучил, балбес? – старик с размаху отвесил парнишке оплеуху.

– За что? – потирая ушибленное ухо взвыл тот.

– Нечего глазеть на них. Все равно тебе не бывать в их рядах. Сейчас поедут, и мы тоже. Часто они шастать стали. То в Ирид промчались толпой, теперь от в столицу едут. Зачем едут, не понятно. Шастают и шастают.

– Говорят, Воста собирает армию, дед. Трон хочет. Не знаю, правда, кому.

– Этот охальник? Ничегошеньки у него не выйдет. Он же дурак, возомнивший себя анператором, и сыновья у него такие же, и дочка евойная. Дурная кровь, глупые люди. А теперь жизни простым людям совсем не дают. Оружием бряцают, скарб грабуют. Жаль, анпиратору не до того.

– Так деньги творят чудеса, дед, – усмехнулся парнишка. – Потому они их и забирают.

– Да что там эти деньги? Куски металла бездушные. И еще неизвестно, есть ли они у него? Что-то не верю я в эти сказки о сказочном богатстве этого дурака, – отмахнулся старик. – Много баяли о том, что у него горы золотые, но что-то я не видал этих гор. И будь они у него, сидел бы он в норе какой-то, трепещет от страха? От, то-то и оно. А, скажи мне, сколько к нему прибежало с анпиратором воевать? А нисколько. Все, кто был предан ему, аки пес до того, как его анпиратор погнал из столицы поганой метлой, те и остались на евойной стороне. Нет у него тех денег. Нетути. Только байки это, чтобы честной люд обманывать.

– Ладно, дед, не будем об этом. Никуда я не собираюсь? – хмыкнул парнишка.

– Почему? – вклинилась в их разговор Эмрия, справившаяся, наконец, с приступом кашля.

– О чем вы, милэй? – опустив голову и глядя на нее из-под ресниц, спросил парень.

– Почему ты никуда не поедешь? – улыбнулась в ответ женщина. – Я могу взять тебя с собой и рекомендовать в императорскую гвардию.

Парнишка вскинул голову, его взгляд загорелся интересом и одновременно недоверием. Он не мог поверить, неужели заветная мечта может вот так вот исполниться. Эта красивая женщина, облаченная в добротный и явно дорогой дорожный наряд, удобный и мягкий, казалась существом из другого мира. Солнце мягко окутывало ее фигуру, путалось в волосах, высекая из них золотые искры, превращая их в расплавленное бледное золото, которое перекликалось с ярким золотом ее украшений. Она улыбнулась и сердце парнишки пропустило два удара.

– Но... я не могу оставить деда без подмоги, – с особой горечью в голосе сокрушенно ответил он. – Что он будет без меня делать?

– Чавой эт ты такое говоришь? Принимай предложение прекрасной милэй. Такая удача дважды не случается, дурень. Видать боги тебя приласкали. А я... Я как-нибудь справлюсь. Чай не глупый мальчишка, который не знает ничегошеньки про жизнь-то... Давай! Соглашайся, паря.

– Но, дед, – воскликнул тот в ответ.

– Не переживай о своем дедушке, мальчик, – улыбнулась Эмрия. – У него все будет хорошо, я тебе обещаю. Как тебя зовут?

– Гиньер, милэй, – поклонился он Эмрии.

– Ты знаешь, кто я?

– Нет, милэй. Я не знаю, – Гиньер покачал головой.

– Что ж, когда прибудем в Арис, ты это узнаешь. А пока, можешь проститься со своим дедом, ненадолго, потом у тебя будет возможность купитьеому домик поближе к столице и избавиться от столь тяжелой жизни, если ты не будешь спускать все свое жалованье на бордельных девок и выпивку.

– Нет, что вы, милэй, – он густо покраснел, вызвав дружный смех у гвардейцев.

– Не мне тебя воспитывать, – снисходительно улыбнулась Эмрия. – Но я надеюсь на твое благоразумие, Гиньер.

– Конечно, милэй.

Женщина улыбнулась. Она подняла руку ладонью вверх и в нее лег увесистый кошель, который передала ей служанка. Эмрия взвесила его на ладони и протянула старику, который удивленно наблюдал за этими манипуляциями.

– Считай это особыми средствами, которые доплачивают семьям гвардейцев, – она с улыбкой бросила кошель старику. – Купи себе лошадь покрепче.

– Дык, сколько ж этих денег то? – воскликнул тот, поймав тяжелый мешочек.

– Тебе хватит на несколько месяцев безбедной жизни, пока мальчик обустроится в столице, – улыбнулась Эмрия. – А ты, парень перебирайся на возок, можешь сесть рядом с возницей. Мы уже уезжаем?

– Я уже готов, – с особым рвением заявил Гиньер, едва не скатившись с телеги под дружный хохот гвардейцев.

Мужчины понимали, что в сложившейся ситуации вдовствующая императрица права, сейчас важен каждый, кто будет верен императорской короне вне зависимости от того, что будет происходить в империи. Как только парень сел на облучок рядом с возницей, Эмрия шагнула к старику. Ее взгляд буквально впился в подернутые дымкой старческие глаза.

– Скажи, старик, ты же знаешь, кто я? – понизив голос спросила она.

– Конечно, ваше величество. Кто ж не знает, кто вы такая? – старик улыбнулся, продемонстрировав два сохранившихся зуба. – Наверное, только дурак как-нить.

– Расскажи мне, что ты там говорил своему внуку про Восту. Все без утайки. Сам понимаешь, что в империи неспокойно.

– А чавой там говорить? Его люди по всей империи расплозились, аки тараканы какие по кухне у нерадивой хозяйки. Ищут тех, кому все равно, кто их хозяин и что за золотишко он им платит. Говорять, что Воста где-то под Иридом окопался. И чуть ли не с герцогиней тамошней у него любовь. Но тут я брехать не буду, точно не знаю.

– Спасибо тебе, старик. Я твоего внука не обижу. Если он у тебя смысленный, может и в офицеры выбьется.

– Я это знаю, ваше величество. Потому и отпустил его с вами. Он хоть парень и неглупый, но дурак-дураком по жизни отъ.

Эмрия рассмеялась словам старика, возвращаясь к возку. Но стоило только дверце закрыться за ее спиной, как улыбка сползла с ее лица. Вдовствующая императрица задумчиво уставилась на свои руки, пытаясь понять, что задумал старый змей Дарьенал Воста, в руках которого было сосредоточено слишком много власти. Похоже лишение его должности Главы Имперского совета ни к чему не привело. Он исправно использовал щупальца, которые раскинул по всей империи, благодаря слепому доверию Маглора. Эмрии это не нравилось. Совершенно не нравилось. Но что она сейчас могла сделать? Ей необходимо было добраться до Ариса, чтобы уже совместно с нынешним Главой Имперского совета Лоэналем Аминирах Виратом попытаться разобраться с тем, что происходит в стане противников ее сына. У Маэля не должно быть проблем здесь, в империи, когда он пытается спасти ее от внешних завоевателей, посмевших переступить ее границы с оружием в руках. Эмрия понимала, что чем слабее Мирэй, тем наглее будут ее враги. Ей оставалось только одно, потратить несколько дней своей долгой жизни на возможность ускорить прибытие их в столицу империи. Сейчас им предстояла гонка со временем.

– Лейтенант, – позвала она командира сопровождавших ее гвардейцев. – Прикажете своим людям сойти с основного тракта. Следуйте по второстепенной дороге.

– Слушаюсь, – кивнул тот в ответ.

Он не понял, зачем вдовствующей императрице потребовалось сворачивать с тракта. Малые дороги были опасны, поскольку кишели разбойничьими шайками, что чувствовали себя как дома в раздираемой войной стране, в которой зрел мятеж. Казалось, что эти головорезы оседлали каждую развилку дороги, каждую низко-висящую над дорогой ветку в поисках своих

жертв. Они нападали из каждой тени, которую отбрасывали деревья. Будь его воля, он никогда бы не покинул охраняемый стражниками тракт. Но выбора не было. Лейтенант императорской гвардии вздохнул, но исполнил приказ вдовствующей императрицы. Он подал отряду знак и повернул на ближайшем перекрестке на едва заметную тропинку, которая убегала в темную густую чащу леса. Дорога была узкой и запущенной, по ней явно давно не ездили, и даже не использовали стражники для быстрого перемещения в случае заторов на трактах. Об этом буквально кричали молодые зеленые побеги, что пересекали дорогу. Лес постепенно захватывал отвоеванное у него ранее человеком пространство. Возвращал свою власть. Возок со скрипом покатился по тропе, цепляясь за ветви крыши и стенками. Низкие ветви громко застучали по колесам. Его заметно подбрасывало на оплетавших тропу корнях, отчего пассажиры то и дело валились друг на друга.

Они все дальше углублялись в лес, к вящему неудовольствию лейтенанта гвардии и его людей, которые озирались по сторонам, опасаясь внезапного нападения разбойников. Пусть фиолетовые плащи гвардейцев и могли отпугнуть любителей легкой кровавой наживы, которые обычно пахали землю, но рассчитывать на это было глупо. Среди зеленых ветвей могли оказаться и те, кому блеск золота в волосах вдовствующей императрицы застил бы взгляд, проясняя все самые низменные желания, лишая чувства самосохранения, свойственного каждому живому существу. К тому же, разбойники могли рассчитывать на то, что их куда больше, чем гвардейцев, а значит они могут задавить их живой силой. Гвардейцы этого опасались. Потому их лица были напряжены, а руки лежали на рукоятях мечей в ожидании нападения.

Эмрия не знала о трудностях гвардейцев, все ее мысли занимала необходимость не упасть меж сидений и не разбить о них лицо. Она старалась усидеть на скамье, когда возок особенно сильно подпрыгивал, переваливаясь через корни и побеги. Вдовствующая императрица всегда знала силу природы, которой не требовалось и года, чтобы вернуть в свои владения с трудом отвоеванное людьми. Возок бросало из стороны в сторону, пока они ехал по этой медленно исчезающей в зелени тропе. В какой-то момент возок пошел ровно, словно кто-то заботливо расчистил тропу, чтобы телеги могли без проблем ехать дальше. Скорее всего в ловушку. Но Эмрия не беспокоилась об этом, она верила в умения сопровождавших ее гвардейцев. Мысли вдовствующей императрицы занимало другое. Если кто-то осмелится напасть на них, даже проигнорировав сияние фиолетовых плащей на всадниках, сопровождающих возок, гвардейцы легко отбили бы эту атаку, даже не сбив дыхание.

Полутьма, царившая под сенью деревьев, чьи кроны переплетались, создавая монолитный зеленый потолок над головами людей, сменилась ярким солнечным светом, который пробился даже через плотные занавеси, закрывающие окна возка. Это подсказало Эмрии, что они выбрались на поляну или прогалину, а значит достигли нужного места для задуманного ею. Императрица выглянула из окошка, подозвала к себе ближайшего гвардейца и приказала немного сбросить темп движения. Тот кивнул и помчался в голову их небольшой кавалькады, чтобы передать приказ своему командиру. Эмрия нырнула обратно в возок. Ей требовалось сосредоточиться. Она обратилась внутрь себя, стараясь нащупать магическую силу, заполняющую мир вокруг, прикоснуться к ней, призвать ее себе на службу, направить ее туда, куда ей было нужно. Кончики пальцев вдовствующей императрицы засветились, наливаясь голубоватым светом все ярче. Свет постепенно превращался в пламя. Эмрия дождалась пока магия не начала буквально жечь ей пальцы и только после этого она позволила себе выпустить сплетенное заклинание на свободу.

Перед кавалькадой, состоящей из всадников и двух возков, замерцал, сгустившись, воздух. Он стал похож на вычурный кристалл, сквозь который легко проскакали первые всадники, не успевшие сдержать лошадей, следом за ними в казалося. острейшие твердые грани въехал и возок вдовствующей императрицы, не замедлив хода ни на мгновение. Через мгновение они оказались там, где им предстояло оказаться еще нескоро. Смена ландшафта вызвала удивлен-

ный возглас парнишки, сидящего на козлах. Густой, почти непроходимый лес сменился широкой рекой, по зеркальной поверхности которой скользили золотые солнечные лучи, рассыпаясь искрами, вспыхивая и затухая. Ветер доносил аромат тысяч цветов, смешанный с запахом свежескошенной травы, лежащий на лугах, наполняя все вокруг желанием жить. Вдалеке в жарком мареве высился огромный город, буквально обнимающий реку. Он казался удивительным драгоценным камнем, сверкавшим на солнце разноцветными гранями. И в то же время в душе Эмрии разлилось удивительное чувство, знакомое любому путнику, который возвращается домой и видит родные стены.

– Арис?! – раздался удивленный возглас командира сопровождавших императрицу гвардейцев. – Зачем вы воспользовались магией?

– Пришлось, – улыбнулась в ответ Эмрия.

В этой улыбке была какая-то вина. словно вдовствующая императрица ощущала свою ответственность за это мгновенное путешествие на многие лиги, которые отняли бы у них почти месяц. Ей пришлось открыть портал, потратив несколько месяцев своей, пусть долгой, но все же не бесконечной жизни. Но услышанное ею на тракте взволновало Эмрию и требовало немедленных решений. Она поспешила в столицу, чтобы предупредить сына и найти хоть какую-то управу на Дарьенала Восту, который и без того принес слишком много бед Мирэй. Зная упрямство Маэля, она не верила, что сможет убедить его. Она пыталась убедить себя, что все ее усилия не пропадут даром, и потерянные несколько месяцев жизни стоили того. Впрочем, в любом случае ее поступок стоил того, чтобы его совершить, так считала Эмрия. И ничто не смогло бы убедить ее в обратном.

Гвардейцы хоть и удивились, но все же прекрасно осознавали возможности магии, они прекрасно знали и о том, что ее величество вдовствующая императрица Эмрия арэ Вариар была потомком могущественных эльфийских семей, которые владели магией и не чурались ее использовать. Об этом знали все в империи, как и за ее пределами. Именно потому удивление быстро прошло. Впрочем, даже удивление не помешало им четко исполнять свои обязанности. Кавалькада императрицы-матери быстро захватила тракт и направилась к распахнутым широко открытым воротам Ариса, едва не распахивая тяжелые и неповоротливые караваны торговцев, спешивших въехать в столицу империи до заката, когда гостеприимно распахнутые ворота закроют на ночь. Эмрия увидела, что Арис выглядит не так, как на она его помнила. Яркая и жизнерадостная столица империи казалась какой-то поблекшей, какой-то серой, словно кто-то набросил на нее полупрозрачную вуаль, скрывая величие и блеск имперской столицы, которые сопровождали ее с момента основания.

Городские стражники, охранявшие Синие ворота, удивленно воззрились на два в сопровождении императорских гвардейцев. Это было странно. Никто не предупреждал о прибытии в город полуилы гвардии, и никто не сообщал о том, что они будут кого-то сопровождать. Кого-то важного настолько, что гвардейцы будут жестоко расчищать ему дорогу. Тем не менее, никто из стражников не рискнул остановить кавалькаду императорской гвардии, не желая получить выговор, а еще не дай боги, и вычета из жалованья за такое рвение. Более того, стражники понимали, что никому не пришло бы в голову маскироваться под владельцев фиолетовых плащей, ведь ношение гвардейских регалий без права на таковое каралось смертью. Жестокой смертью. Если приговоренный умудрялся дожить до подъема на эшафот. Законы империи были суровы, и никто не решался столь открыто нарушать их. Тем более, никто в здравом уме не приехал бы в гвардейских атрибутах в столицу империи, где располагался их штаб и хранились списки всех гвардейцев императора. Велик был шанс встретиться с гвардейским офицером, который распознал бы самозванца.

Лейтенант Уйнэс ам Сагир Ситэй уверенно вел свой отряд вперед и казалось ничто не остановит его в стремлении добраться до императорского дворца как можно скорее. Он никогда не бывал в столице, всю свою жизнь проведя в форте Мларис, но он прекрасно знал,

куда ему следует ехать. Потому он ни разу не задержался ни на одном перекрестке. Горожане провожали кавалькаду взглядами, прикрываясь козырьками ладоней от ярких солнечных лучей, светивших прямо в глаза. В какой-то момент люди подумали, что тайно вернулся в столицу их император, и тогда по улицам пролетел шепоток, окрашенный в цвета внезапной паники, которая пробежала по людям. Они почему-то поверили, что Маэль проиграл войну с Тарэнтай и вернулся в столицу, и им следует готовиться к очередной осаде, либо бежать прочь от столицы, пока не поздно. Затем, пусть и нескоро, все же приходило осознание того, что император уезжал из столицы верхом и вряд ли вернулся бы в наглухо закрытом возке, даже если бы за ним гнались все демоны подземного мира, которым правит Ул. Да и побег Маэля с поля боя был бы невозможен. Такой поступок не в характере императора. Да и командовал отрядом всадников не Элер ан Кьель да Скалэй, нынешний командующий императорской гвардией. Уж, кто-кто, а Элер точно не оставил бы императора, даже умерев, он вернулся бы бесплотным призраком, чтобы защитить повелителя от убийц. Осознавая это, жители столицы империи Мирэй постепенно успокоились и начали строить предположения, кто же едет в том возке, чьи шторы наглухо задернуты, а путь ему расчищает полуила императорской гвардии под командованием лейтенанта. О том говорили регалии, вышитые золотом на шарфе из фиолетового шелка.

Гвардейцы не терзались тем, что думали об их появлении жители Ариса, их это попусту не тревожило. Они старательно не обращали внимания и на те отряды городской стражи, что выходили из боковых улиц и выстраивались на тротуарах, отсекая толпу от едущих широкой рысью всадников, не позволяя горожанам упасть под копыта лошадей. Это было большое событие для Ариса за долгое время, с тех самых пор, как император Маэль выдал свою сестру принцессу Ланду арэ Вариар замуж, и после того, как он торжественным маршем покинул город, увозя с собой большую часть гвардии и почти все лохосы, оставив на охране столицы два лохоса: пехотный и кавалерийский. С тех пор столица пребывала в своеобразной полудреме, забыв уже о том, что такое шумные и блистательные процессии. Дети с восторгом проносились вдоль улицы, едва не бросаясь под копыта лошадей, заставляя матерей в ужасе хвататься за сердца, девушки лучезарно улыбались и махали руками гвардейцам.

– Осторожнее! – крикнул Уйнэс, когда особенно шустрый мальчишка едва не попал под колеса первого возка.

Если бы не реакция возницы – быть беде! Но лошади встали почти мгновенно, заржали, заволновавшись. Эмрия едва не упала на пол между деревянных лавок. Потирая ушибленный бок, она посмотрела на зашторенное окно и приняла решение. Вдовствующая императрица распахнула дверцу и спрыгнула на землю, поспешив к виновнику переполоха. Тот со страхом смотрел на огромных животных, что замерли над ним, отфыркиваясь и храпя.

– Ее величество... – выдохнула толпа столичных жителей, следившая во все глаза за происходящим на улице.

Они давно не видели свою императрицу, ведь предыдущий император сослал свою супругу, обвинив в смерти младшего сына. Пусть никто в Мирэй не верил в ее виновность, но их мнение в этом вопросе не играло никакой роли. Император Маэль смог реабилитировать мать, лишь возложив себе на голову императорскую корону. Но тем не менее больше года ее величество Эмрию не видели в столице империи, столичные жители даже соскучились по своей правительнице. Ее появление стало большой неожиданностью и своеобразным чудом для мирэйцев. Те, кто сомневался в спасении империи от навалившихся на нее бед, теперь поверили в то, что все будет хорошо, что Мирэй победит любых врагов, что они переживут любые неприятности. Даже конец этого мира.

– Ваше величество, – взревела толпа. – Да продлятся ваши дни вечно!

И в следующий миг люди разразились радостными приветственными криками. Перепуганный мальчишка, что чуть не погиб под копытами лошадей, теперь счастливо улыбался,

прижимаясь к юбкам матери и с интересом вглядываясь в прекрасную золотоволосую даму, что вышла из возка ему на помощь. Она казалась ему чем-то неведомым, или даже богиней. Потому что кем еще могла быть эта невероятно красивая женщина со столь добрыми глазами.

– Ваше величество! – радостно ревела толпа. – Ваше величество!

Эмрия, несколько опешившая в первые мгновения всеобщего ликования, теперь лучезарно улыбалась подданным своего сына, буквально купаясь в их любви и обожании. Это было забытое, но такое приятное чувство, казалось, что эмоции людей мягким золотым светом окутывают их, делаясь осязаемыми.

– Спасибо, друзья, за вашу любовь, – улыбнулась императрица, заглядывая в сияющие глаза мальчишки, что испуганно жался к матери. – За вашу веру в меня. Я вам искренне благодарна.

Эта красивая золотоволосая женщина, которую так обожали все вокруг, казалась ему недостижимой и в то же время такой близкой и теплой, как объятия матери. Мальчик прижимался к материнской юбке, уже позабыв о том, что буквально мгновение назад он находился на грани смерти.

– Простите моего сына, ваше величество, – мать мальчика не знала, что ей делать: приветствовать вдовствующую императрицу, приносить ей искренние извинения или наказывать неугомонного мальчугана, который едва не угробил мать правителя империи, пусть и не нарочно.

– Ничего плохого не случилось. Возница вовремя остановил возок, – с теплой улыбкой ответила Эмрия. – Главное, что мальчик не пострадал. Было очень опасно.

– С этим паршивцем все в полном порядке, – отозвалась женщина, отвечивая сыну звонкую оплеуху. – Надеюсь, что вы не пострадали.

– Мы не пострадали, – улыбнулась Эмрия. – Я надеюсь, что вы не против, если мы продолжим наш путь во дворец. Время дорого.

– Конечно, ваше величество, – женщина обхватила мальчика за плечи и увела с на тротуар. – Мы просто очень рады вас видеть. Как только вы приехали, вернулось солнце.

– Спасибо. Я тоже рада вернуться в Арис, к вам, – улыбнулась в ответ Эмрия.

Мальчонка то и дело оглядывался, стараясь запомнить образ высокой, красивой дамы, чтобы потом хвастаться перед своими друзьями, что видел императрицу на расстоянии вытянутой руки, и говорил с ней, более того, ее величество изволила погладить его по голове. Эмрия проводила мать и сына взглядом и под ликующие крики толпы села в возок. Похоже, ошарашить своего двоюродного деда, главу Имперского совета Лэналя Аминирах Вирата у нее больше не получится. Крики приветствия в честь императрицы летели над Арисом словно раскаты грома перед тем, как начнут сверкать молнии, значительно обгоняя небольшую кавалькаду. Эмрия позволила себе скривиться в полутьме возка, когда он тронулся с места и вновь покотился по улицам имперской столицы. Вдовствующая императрица понимала, что теперь у нее не будет и половины хоры на отдых и на то, чтобы привести себя в порядок, сменить скромное, пусть и удобное дорожное платье на одеяние, которое приличествует вдовствующей императрице, со всеми положенными ей регалиями. Нет, надеть корону императрицы ей больше не придется, теперь ей принадлежит другая корона. Та, которую носят вдовствующие императрицы, императрицы-матери, пережившие своих супругов и ставшие носительницами этого почетного титула. Золотая голубка, раскинувшая крылья, украшенные двенадцатью крупными жемчужинами каждое, и удерживающая в клюве крупный сапфир, глядя на мир глазами, сделанными из того же камня. В этом взгляде благодаря искусству ювелира, горела заинтересованность жизнью и мягкая доброта. Теперь эта искусно сделанная корона ляжет на ее чело, и носить ее Эмрии предстоит всю ее долгую жизнь. Очень долгую жизнь, которая отпущена полуэльфийке. Женщина вздохнула, потирая виски. Как-то резко боль стальными

обручами стянула голову, так что заломило в висках, в глазах потемнело. Откуда пришла эта боль, она не знала.

– Вам нехорошо, ваше величество? – участливый голос служанки заставил Эмрию открыть глаза. – Мне попросить гвардейцев остановиться?

– Все хорошо. Я банально желаю выбраться из духоты этого возка. Она меня убивает, – едва заметно улыбнулась в ответ императрица. – Не надо останавливаться.

– Нам осталось недалеко, ваше величество. Насколько я поняла.

Эмрия кивнула и постаралась улыбнуться. Служанка никогда не бывала в столице, и уж тем более никогда не бывала во дворце. Ей повезло стать служанкой низложенной императрицы. Впрочем, сначала она думала, что ее жизнь окончена, ей предстоит до конца дней своих служить женщине, которую лишили титула и власти, а возможно, лишат и жизни в какой-то недобрый момент. А тогда и ее дням на этом свете пришел бы конец. Рабы преступника несли наказание вместе с ним, и никто не задумывался о том, виноват раб или нет. Наиболее везучих, вернее, самых молодых, распродавали другим хозяевам. Возраст служанки не оставлял ей надежды на такой исход. Но теперь ее жизнь заиграла новыми красками. Целый год она прожила в ожидании конца от холодной стали, которая коснется ее горла и выпустит кровь, перерезав его, но в одно мгновение, вместе со взмахом крыла лимринга она стала личной рабыней вдовствующей императрицы. Новый император вернул матери все ее титулы, регалии и, самое важное, власть над империей. Рабыня едва заметно улыбнулась в полутьме возка, глядя на свою хозяйку. О такой судьбе она и не мечтала. Это оказалась добрая судьба, которой позавидовал бы любой. Жаль, что жизни у нее осталось не так много. «Но ту, что мне осталось, я хочу прожить достойно», – решила рабыня.

– Нам осталось недалеко. Совсем недалеко, – эхом повторила Эмрия, продолжая растирать виски. – И я, наконец, буду дома.

Служанка слегка отодвинула занавесь, прикрывающую окошко и взглянула на блистательную имперскую столицу, буквально впитывая каждый образ. Мрамор всех оттенков, что существовали в природе, красные и даже не существовали, но стали возможными благодаря эльфийской магии, желтые и зеленые черепичные крыши, белоснежное сияние мраморных и яркий блеск буквально горящих на солнце серебряных статуй, зелень и яркие краски садов, синева фонтанов и рек. Для служанки Арис все еще сверкало, как драгоценный камень в солнечных лучах. Она не видела серого покрывала, что окутывало его. Ее восхищала красота и величие того, что она видела. Это была невероятная красота, созданная талантливым эльфийским мастером и его помощниками, которые подхватили его знамя и создали уникально прекрасный город, ставший великолепным украшением в короне империи. Город, видеть которым мечтали все монархи Селерана, что жили на изведенных землях. В Арис люди влюблялись с первого взгляда, стоило им только пройти через любые ворота, что пролегли в крепостной стене. Достаточно было одного взгляда.

Гвардейцы, охранявшие въезд во дворец, удивленно уставились на приближающуюся полуилу соратников. Отряд, судя по всему, прибыл из одного из фортов, но у них не поступало сообщения о прибытии кого-либо из тех, кому дозволено было въезжать во дворец. Тем более сейчас, когда императорская резиденция пустовала и ни одному гостю не позволялось войти в него. Отряд остановился. Конь лейтенанта, ведущего эту полуилу, буквально уткнулся носом в ажурные ворота и фыркнул на замерших на посту гвардейцев.

– Где дежурный офицер? – без обиняков спросил Уйнэс.

– Обходит посты, – ответил один из гвардейцев, разглядывая незнакомого офицера. – Откуда вы?

– Мы прибыли из форта Мларис и требуем проезд во дворец императора! Немедленно! – заявил Уйнэс.

– По какому праву вы требуете проезда во дворец? Он закрыт для любых посещений, пока императора нет в столице. Вам следует отправиться в казармы, лейтенант. Туда прибудет дежурный офицер и примет у вас сообщение, которое вы привезли. Во дворец я пропустить ваш отряд не имею права.

– Ты хочешь сказать, гвардеец, что я должна ждать милости дежурного офицера, сидя в казарме гвардии моего сына? – Эмрия выплыла из возка, красивая неприступная, как вершины гор Хортат.

– Ваше величество... – гвардейцы вытянулись словно тетива на луке.

Ворота мгновенно распахнулись, позволяя небольшой кавалькаде проехать в дворцовый парк. Вдовствующая императрица проплыла мимо гвардейцев, тепло улыбнулась им и вновь исчезла в возке. Оставалось немного и прохладный ветер, гуляющий по просторным залам дворца, охладит разгоряченное тело Эмрии, позволит ей снова начать наслаждаться жизнью, верить в прекрасное. Возок проехал по столь знакомым ей аллеям, в окне промелькнули статуи, мимо которых она не раз прогуливалась в сопровождении своих придворных дам, а иногда и супруга. Розы еще не зацвели, но их бутоны уже готовы были распуститься, радуя взгляд своей красотой, наполняя воздух тончайшим ароматом, который окутывал, убаюкивая. Это были поздние розы. А там дальше, уже всюду цвели белые и розовые розы, наполняя воздух вокруг божественным тонким ароматом. Они цвели уже почти три месяца, прекрасные и ароматные.

Эмрию захватило удивительное чувство возвращения. Она никогда не думала, что настолько соскучилась по этому дворцу, который в какой-то момент стал для нее золотой тюрьмой, а не домом. Она помнила каждую мраморную плиту, которая использовалась для его строительства, каждый предмет интерьера, который украшал комнаты и залы, она помнила взгляды статуй в Зале искренности, который столь любил Маглор. Она помнила все. И теперь поняла, что любила этот дворец, что он стал ей домом, по которому она скучала в ссылке.

– Я желаю принять ванну и переодеться, – велела императрица, поднимаясь по лестнице, украшенной резными единорогами. – Лейтенант, будьте добры, доставьте приказ явиться во дворец главе Имперского совета Лоэналю Аминирах Вирату. Причем немедленно.

– Как прикажете, ваше величество.

Уйнэс позвал одного из подчиненных и передал ему приказ императрицы, тот кивнул и развернув коня ускакал прочь.

– Следуйте за мной, – тем временем приказала Эмрия, замирая на вершине лестницы. – Пока я не найду всадниц драконов, вы будете отвечать за мою безопасность, лейтенант. А потом можете сами решить судьбу своей дальнейшей службы. Остаться в столице или вернуться в форт Мларис. Я поддержу любое ваше решение.

– Почту за честь, – отозвался Уйнэс спешиваясь. – Охранять вас великая честь для меня.

Конюшенные мальчики появились словно из ниоткуда, принимая поводья гвардейских лошадей и уводя их в императорские конюшни. Возница направил возок следом, боясь заблудиться среди аллей и прекрасных дев с единорогами, чьи мраморные тела ласкало полуденное солнце.

– Это была императрица? – едва сдерживаясь, чтобы не обернуться, спросил парнишка, что сидел рядом с возницей.

– Вдовствующая императрица, паря, – хмыкнул тот в ответ. – Запомни этот момент. Детям будешь рассказывать. Мало кому так везет в жизни.

– Ничего себе... – восхищенно вдохнул парень, только сейчас осознавая, какая удача свалилась на его голову.

– Сейчас доберемся до конюшни и тебя проводят в казармы гвардии, думаю к тому моменту ее величество отдаст распоряжение о приеме тебя в ее ряды.

– Она не забудет. Ведь она похожа на богиню, – с придыханием выдал Гиньер, жизнь которого круто менялась.

Эмрия спешила по залам, пугая попадавшихся ей навстречу слуг. Они не ожидали увидеть тут императрицу, лишившуюся короны год назад. Она казалась им ужасным призраком, пришедшим по их души, спросить с каждого, что он сделал для того, чтобы она сохранила свой титул и не испытала такого позора. Служили ли они столь же рьяно любовницам императора, как ранее служили ей. Слуги шептались, вжимаясь в стены, а вдовствующая императрица проплывала мимо них, не удостоивая и взгляда, направляясь в свои покои по давно знакомому маршруту.

Она ожидала увидеть все что угодно. Даже совершенно пустую комнату, из которой вынесены не только ее вещи, но и мебель, но никак не это. В комнате явно кто-то жил. И не таился в том, что остановился в этих покоях. На кровати и креслах лежали платья, на столике, где обычно хранила свои драгоценности и ароматические воды Эмрия, стояли чьи-то белила и тени для век, небрежно валялись украшения.

– Лейтенант, притащите сюда кого-нибудь из тех куриц, что мы встретили в коридоре, пусть они уберут все это и выкинут прочь, вместе с хозяйкой. Это покои императриц и вдовствующих императриц, в конце концов, а тут такое кошунство. И пусть кто-нибудь налет мне ванну и подготовит одежды. Я слишком устала с дороги, чтобы карать наглость придворных дам прямо сейчас. Пусть радуются своей доброй судьбе, – голос императрицы звучал холодно, почти спокойно, но именно такого тона боялась вся дворцовая прислуга. – И выясните, пожалуйста, кто осмелился занять мою комнату, пока меня не было. Отныне ей отказано от дворца. Я не желаю ее видеть.

– Уже начинаешь буйствовать, дорогая? —раздался от дверей голос, заставивший Эмрию резко обернуться и радостно, по-детски, вскрикнуть.

– Матушка! – воскликнула вдовствующая императрица, бросаясь в объятия Театлин анэ Вират Мирэсель, ни на мгновение не задумавшись о приличиях.

Та с лучезарной улыбкой обняла внучку, ставшую ей дочерью, едва сдерживая слезы, навернувшиеся на глазах. Они как будто не виделись уже несколько десятков лет. Сердце Эмрии билось, словно птица в клетке, и, казалось, вот-вот вырвется из груди. Она была столь рада увидеть свою матушку, которая на деле являлась ее бабкой, самого родного человека в этом жестоком мире, после детей, как она считала. Женщины безжалостно скинули с кресел раскиданные по ним дорогие платья, подтолкнув их ногами к прибежавшим служанкам, и сели на мягкие подушки, наслаждаясь легким прохладным ветерком, что налетал с парка.

– Как же я по тебе соскучилась, матушка, – произнесла Эмрия, сжав ее руки. – Как мне не хватало твоих мудрых советов. Твоей силы и любви.

– Они не столь мудры, моя дорогая, – улыбнулась в ответ Театлин. – Если бы они были таковыми – мы не оказались бы в таком положении, Эмрия. Но я тоже соскучилась по тебе, считала дни, когда Маэль вернет тебя в Арис.

– В том, что случилось, нет твоей вины, матушка. Ар Вариары после его величества Миалла Первого утратили разум, как мне кажется. И я надеюсь, что они вернулись к разуму с моим сыном. Империя достаточно настрадалась от безумных решений своих правителей. Неважно тиранов или безумцев.

– Я тоже надеюсь на это, дорогая, – хмыкнула Театлин. – Я уверена, что твой сын и его дядя не позволят роду ар Вариаров уничтожить наследие их великого предка. Вариар Великий вложил в эту империю свое сердце и душу.

– Ты же его знала, матушка. Скажи, мой сын похож на него?

– Вариар был великим человеком и императором. Мне иногда кажется, что я была в него влюблена не меньше, чем в твоего деда, но он любил свою императрицу. Сколько бы ни пытались местные аристократы подложить своих дочерей под него, он не смотрел в их сторону.

Даже то, что Лейв не могла дать ему больше детей ничего не изменило в его чувствах. Он радовался тому, что у него есть наследник, продолжатель его рода, Миалл, жизнь которому дала императрица Лейв. Вариар был справедлив, строг, но справедлив...

Театлин нырнула в воспоминания, рассказывая своей внучке, глядящей на нее во все глаза о том, каким был предок ее супруга. Она сожалела о том, насколько потерял род ар Вариаров силу и мудрость своего предка, решившись на близкородственный брак. Полуэльфийска верила, что у Маэля получится вернуть былое величие и славу императорской короне Мирэй.

Театлин говорила и говорила, но Эмрия не пыталась ее остановить. Из уст матушки история основания Мирэй звучала, как невероятная легенда. Время, казалось, неслось, словно перепуганная лошадь, сметая все на своем пути. Закончился рассказ о первых годах Мирэй. Эмрия успела принять ванну и переодеться в соответствующие ее новому положению одеяния, приняв из рук Театлин шкатулку со своей новой короной. Черное платье из тяжелого шелка, ниспадавшее широкими складками, украшала золотая вышивка, разбегавшаяся по широким рукавам и юбкам тонкими растительными узорами. На мрачной черноте ткани поблескивали мелкие аквамарины, складывающиеся в сложнейший узор. Волосы вдовствующей императрицы были заплетены в две толстые косы, сверкающие синими лентами, расшитыми сапфирами. Такие прически носили вдовы во время траура по своим мужьям, который должен длиться два года. Именно этот наряд станет ее парадным облачением, которое она не сможет сменить на иные одеяния других цветов. В ее волосах сверкала традиционная корона, положенная ее титулу. Лишь спустя два года она сможет сменить цвет и фасон одеяний, надеть другие украшения, которые украсят ее руки и шею, но корона навсегда останется той, что украшает ее чело сейчас. И снять ее Эмрия не имела права, даже в домашних покоях. Но тем не менее, Эмрия посчитала необходимым одеться именно так. Парадное траурное одеяние вдовствующей императрицы и корона на голове без оговорок заявляла о том, что эта красивая женщина облачена почти безграничной властью, которую не может ограничить и оспорить никто, кроме ее сына, императора этих земель, и его супруги. Но никого из них не было в столице в этот момент, и никто в Мирэй не посмел бы оспорить приказы Эмрии арэ Вариар, глядя на скалящихся золотых единорогов, вплетенных в цветочные узоры ее одеяний.

Переступивший порог ее покоев глава Имперского совета Лоэналь Аминирах Вират удивленно воззрился на свою внучатую племянницу. Он не ожидал, что его встретит ее величество вдовствующая императрица во всех полагающихся ей регалиях. Казалось, что она готовится принимать посланников или принимать признание поражения у врагов империи. Эльф буквально замер, сделав один шаг в покои.

– Рад приветствовать вас, ваше величество, – склонился он в приветственном поклоне.

– Ло... – начала было Театлин, но осеклась, увидев, как брат обернулся, чтобы увидеть то, что происходило за его спиной.

А там бушевала красивая черноволосая женщина, чья яркая красота была из тех, что быстро расцветают, но и почти мгновенно увядают, недолго радуя своим цветением, привлекая внимание мужчин, словно яркий, сладко благоухающий цветок, пчел. Ее темно-серые глаза с вызовом смотрели на Эмрию из-под пушистых черных ресниц, а на щеках расцветал румянец, и вдовствующая императрица терялась в догадках, какое именно чувство заставило их заалеть: ярость или смущение перед истинной хозяйкой покоев? Хотя Эмрия склонялась к тому, что это именно ярость, которая захлестнула ее в тот момент, когда она увидела, что императорские покои больше не принадлежат ей. Девушка была разодета в пух и прах, словно собиралась на пир, который дает император, где ей предстояло блистать. Об этом буквально кричало ее платье из винно-красного бархата, тяжелыми складками укутывающее ее тело, демонстрируя между тем всему миру богатые прелести хозяйки. Об этом буквально кричало и золотое кольцо, охватывавшее ее шею, и сверкавшее изумрудами. Это было грубое украшение, одно из тех, что Эмрия когда-то вывела из моды.

– Поднимитесь, глава Имперского совета, – милостиво разрешила Эмрия, обращаясь к коленопреклоненному Лоэналю, между тем не спуская внимательного взгляда с незнакомой девицы.

Та вздрогнула и потупила взгляд, пытаясь потушить вызов, которым пылал ее взгляд.

– Я счастлив, что вы вернулись, ваше величество, – произнес тем временем Лоэналь. – Зачем вы звали меня.

– Я рада видеть вас на этом посту, анс Лоэналь. У меня к вам есть серьезный разговор. Государственной важности, но сначала давайте решим вопрос с дамой, что стоит за вашей спиной и пытается нам что-то сказать, – Эмрия кивнула на девицу, которая уже не знала куда деться, мечтая слиться с обстановкой. – Вы что-то хотели?

Все заметили, что вдовствующая императрица не произнесла традиционное обращение «мина», словно подчеркивая, что посмевавшая занять ее покои девица не имеет права быть аристократкой и претендовать на то, чтобы к ней относились соответственно, как к дочери знатного рода.

– Нет, ваше величество, – склонилась та в глубочайшем реверансе, закусывая в отчаянии нижнюю губу. Настолько сильно, что Эмрии показалось, будто под белыми зубами девицы выступила кровь. – Я желала принести извинения. Меня по ошибке заселили в эти покои.

– Ничего. Я распоряжусь, чтобы вам выделили иную комнату, где вы дождетесь сопровождающих, которые доставят вас домой. Я более не задерживаю вас. Вы можете идти.

Легкий взмах руки вдовствующей императрицы дал понять, что она отпускает придворную даму и не желает ее больше видеть. Та отчетливо скрипнула зубами, то ли кляня себя за недалекость, то ли проклиная Эмрию за столь жесткое решение, которое она считала несправедливым. Но вдовствующая императрица не собиралась демонстрировать доброту и благородство, она понимала, что сейчас ей следует вернуть власть над дворцом в полной мере, прежде чем брать под свою власть столицу и всю империю. И если для этого придется быть жестокой, она готова на это. Пока Маэля нет в Арисе, ей предстоит взвалить на себя все тяготы управления огромной империей, которую все еще лихорадило из-за войны, что шла на ее границах. Но сейчас ее ледяной взгляд был прикован к этой красивой девице, которая посмела занять ее покои, а то и ее место рядом с супругом. Эмрия не сомневалась, что девица была фавориткой Маглора, пока она пребывала в ссылке в форте имперской гвардии в ожидании своей участи. Теперь же у этой красивой девицы не было поддержки венценосного любовника, и она осталась беззащитной перед грозной, как черная снежная туча, вдовствующей императрицей, чья власть теперь не вызвала сомнения. В какой-то момент показалось, что комнату заполнил морозный холод, еще мгновение – и мебель и стены покроет иней.

– В-ваше величество, – девица запнулась, обращаясь так к Эмрии в первый раз. – Позвольте мне остаться в столице, при дворе. Мне некуда идти. Владения моего отца находятся под врагами империи. Я просто не доеду до отцовского замка.

В ее голосе прозвучали нотки обреченности. Вызов и ненависть исчезли из ее взгляда, она стала какой-то жалкой.

– И в качестве кого вы желаете остаться при дворе? – Эмрия привычным жестом выгнула левую бровь, глядя на эту красивую женщину, которой оставалось не так долго цвести, и было понятно, что у нее осталось не столь много времени, чтобы устроить брак и покинуть родительский дом, прежде чем ее участью станет старый обедневший вдовец, позарившийся на богатое приданое.

– Я готова служить вам, верой и правдой, ваше величество, – с жаром ответила та, при этом стараясь спрятать яркий блеск глаз. – Начать с самых низов.

Эмрия приподняла уголок губ, одарив ее кривой ухмылкой.

– Видимо вы плохо учили правила и законы империи Мирэй, мина. У вдовствующей императрицы не может быть многочисленной свиты, особенно в период траура по почившему

императору. И в моей свите нет свободных мест, – безжалостно ответила она. – Так куда вы хотите? Среди прислуги у нас тоже нет свободных обязанностей. Да и вряд ли вы справитесь с тяжелой работой, которую исполняют слуги.

– Я-я... – девушка замялась, ища варианты, куда она может пристроиться.

– И к молодой императрице я не могу определить вас в свиту. Дело в том, что ее сейчас нет в столице. К тому же, я не думаю, что ей понравится придворная дама, которая не прочь занять ее место в постели супруга. Более того, императрица сама будет набирать себе свиту, и я не планирую навязывать ей своих протеже. Но не спешите расстраиваться, я позволю вам жить во дворце пока идет война, но после этого вы немедленно покинете Арис.

– Благодарю, ваше величество, – девица склонилась перед вдовствующей императрицей, отчетливо скрипнув зубами. – Ваша милость безмерна.

Ей было тяжело сделать это. Для нее это было все равно что признать поражение, ведь она склонялась перед той, кого она считала поверженной, той, чье место она триумфально заняла. Она искренне верила, что именно она выгнала Эмрию из дворца, безраздельно заняв постель ее супруга и уже мысленно возложив себе на голову корону императрицы Мирэй. Расплата пришла почти мгновенно, когда император Маглор решил расстаться с жизнью, предчувствуя скорую гибель империи. Боги решили наказать ее за мечты о том, что не могло принадлежать ей. Взошедший на престол Маэль Первый был равнодушен к ее чарам, более того, выселил ее из апартаментов императрицы, которые она заняла сразу же, как из них выехала Эмрия, отправившаяся в бесславную ссылку. Вернуться ей удалось лишь недавно, когда из дворца вынуждена была съехать принцесса Ланда, сменившая свой статус на звание супруги наследника из рода ан Эльди Вирай. Любовнице бывшего императора пришлось применить все свои умения врать и манипулировать людьми, чтобы вернуть себе эти покои, которые грели ее душу, напоминая о статусе, который, как ей казалось, у нее был, и о потере которого она хотела забыть. И вот теперь вернулась истинная хозяйка не только этих покоев, но и всего дворца и даже империи. Девушка взглянула на корону в волосах Эмрии и закусил губу. Судьба отвернулась от нее, и ей оставалось только подчиниться ее решениям. «Почему Маглор не даровал мне титул императрицы и не расторг брак с ней? Почему?» – буквально взвывала она в мыслях.

– Но я могу найти вам достойного мужа, если ваши родители не в состоянии сделать этого, – вдовствующая императрица продолжила усмехаться.

– Вручаю свою судьбу в ваши руки, ваше величество, – отчетливо скрипнула зубами девушка, не смея отказаться и навлечь гнев императорского дома на свою семью и себя. – Ваша милость безмерна. Ваша мудрость дарует мне надежду.

Было видно, каких усилий стоило ей произнести это и смириться с властью той, кого она выгнала из супружеской постели, но так и не победила в борьбе за корону и право править империей Мирэй. Она ненавидела Эмрию. Это она прекрасно понимала, но ударить ее посильнее она не могла, осознавая свое бессилие.

– Можете идти, мина, – милостиво дозволила Эмрия. – Я более вас не задерживаю.

Девушка выпрямилась и быстрым шагом покинула покои вдовствующей императрицы, понимая, что все могло закончиться гораздо хуже, чем это было на самом деле. Дверь за ее спиной закрылась. Эмрия в этот момент позволила себе торжествующе улыбнулась. Приятное чувство сладкого и справедливого возмездия растеклось по ее жилам. Она так давно мечтала поставить на место всех этих зарвавшихся девиц, что побывали в постели ее мужа и считали себя, ни много ни мало, новыми императрицами Мирэй. Если бы она только могла, Эмрия приказала бы немедленно убить эту наглую девицу, или в крайнем случае запереть где-нибудь в самом дальнем убиете и надолго забыть о ее существовании.

– Тебе понравилось, дочь моя, – голос Театлин выдернул ее из подбора наказаний для любовниц почившего супруга, которые еще не успели разбежаться из Ариса и попрятаться

по замкам своих мужей и родителей, опасаясь мести со стороны Маэля и Эмрии. – Только не будь столь откровенна, сохраняй хладнокровие, иначе месть начнет горчить.

– Я поняла, матушка. Я постараюсь. Но я не позволю наглým девицам вытирать ноги о законы империи, которые написал мой дед. Они слишком уверовали в то, что Маглор мог сделать все, что пожелает его душа.

– Если мы закончили наказывать дурочек, что служили плотским желаниям Маглора, может перейдем к делу? – со вздохом произнес Лоэналь, все это время молчавший где-то в углу комнаты. – Я чувствую себя в плохом театре.

– Давайте перейдем на галерею. Пусть прислуга уберет комнату, а мы выпьем дамийского и насладимся прохладой, – Эмрия хлопнула в ладоши, и слуги незамедлительно ринулись исполнять ее приказы.

– Так, зачем ты позвала меня, Эмрия? Что было такого срочного, что твой гвардеец меня подгонял, словно я преступник какой-то? – проворчал эльф, опускаясь в одно из кресел, стоявших на длинном балконе. – Хорошо хоть копьём в спину не тыкал.

– Перестань давить на девочку, Лоэналь, – вступилась за Эмрию Театлин. – Она только вошла в свой дом, который пытались разорить такие вот дурочки.

Ее рука потянулась к ушам брата, но тот ловко прикрыл их руками, прекрасно помня, чем заканчиваются такие поползновения со стороны Театлин. Взгляд Лоэналя на мгновение потемнел.

– Рассказывай, Эмрия, пока твоя бабка не вцепилась мне в уши и не начала таскать по балкону, позоря перед подданными твоего сына и моими сородичами.

– Воста собирает армию, – без предисловий начала вдовствующая императрица.

– Это уже давно не новость, – хмыкнул в ответ Лоэналь. – Он занимался этим, еще будучи главой Совета.

– Я услышала на тракте, что он разослал по всем трактирам и городам империи своих людей, и обещает платить золотом, которое он украл у короны, за преданность и верность тех, кто вступит в его армию, – продолжила Эмрия. – И я подозреваю, что какое-то количество людей он смог подкупить. А что делаем мы? Как мы защищаем империю?

– А что мы можем сделать? – вздохнул эльф. – Казна и, правда, пуста. Он оставил нас без единого килара, да что там килара, в казне не было и тысячи вронтов. Но я потихоньку ее наполняю. Война осложняет все. Боюсь, что много мы сделать не сможем.

– А что с агентами Восты?

– Со шпионами Восты все очень сложно. По мере сил мы их отлавливаем. Многие подданные империи сами хватают их, связывают и передают городской страже. Проблема в том, что у нас не хватает своих агентов, которые могли бы вычислять вербовщиков. Дело в том, что твой супруг еще при жизни уничтожил сеть, созданную Великим шпионом, отдав построение новой сети на откуп Восты. Сама понимаешь, какие последствия это имело. В некоторых городах у нас вообще нет ни одного нашего человека. И я до сих пор не знаю, кто из аристократов пошел против короны, а кто до сих пор на нашей стороне.

– Одну мятежницу я знаю точно, – с кроважидным блеском в глазах прошипела Театлин. – И когда я до нее доберусь, белый свет ей покажется немилым, она позавидует мертвым.

– Я тоже знаю ее имя, Театлин, – мысленно отмахнулся от сестры Лоэналь. – Ты мне этим именем все уши уже прожужжала.

– О чем вы? – удивленно выгнула левую бровь императрица-мать.

– Об Аниссе анэ Кьель да Скалэй, – ответил Лоэналь. – Твоя бабка воспылала к ней непримиримой ненавистью.

– Что такого натворила эта глупая женщина, что Театлин анэ Вират Мирэсель столь зла на нее? – удивленно посмотрела на свою бабушку вдовствующая императрица. – Я вижу, что ты готова ее задушить собственноручно.

– Это долгая история, дочь моя, – опустила взгляд Театлин. – И сейчас не самое подходящее время говорить о ней. Потом как-нибудь я расскажу ее тебе.

Эмрия едва заметно улыбнулась. Вспыльчивый нрав ее бабки показал себя во всей красе. Всю свою долгую жизнь Театлин вынуждена была скрывать от всего мира свою истинную страстную натуру, которая могла бы спалить не одну империю дотла, а уж если кто-то неосторожно заденет ее близких, этот пожар стал бы для него ласковым огнем в камине. За все эти годы знающие ее люди не раз наблюдали разгорающийся во взгляде полуэльфийки пожар, который медленно расцветал в глазах, загорался алыми розами на щеках, и медленно гас, когда женщина сжимала кулаки, призывая всю свою силу воли. Она сжимала их настолько сильно, что на ладонях оставались полукруглые следы от ногтей. Лишь несколько раз Театлин давала выход своему гневу, отчего вздрогнули все. Тогда она смела возражать суровой правительнице Мирэй, принцессе Лавене, взвалившей на свои хрупкие плечи регентство в огромной империи при малолетнем племяннике Маре Первом. Тогда придворные ходили по дворцу словно собственные тени, стараясь сливаться с обстановкой, чтобы не попасть под тяжелую руку принцессы или на острый язык герцогине Ансаритэй, которая обладала не меньшей властью, чем принцесса-регент и могла быстро уничтожить любого, кто посмел бы ей возражать. Лавене арэ Вариар это не нравилось, и она стремилась избавиться от дерзкой и столь влиятельной вдовы основателя империи. Но как бы Лавена ни старалась уменьшить в народе уважение и почитание Театлин, видевшей зарождение могущества Мирэй, благоговение перед долголетием эльфов, которое люди считали бессмертием, искоренить ей не удавалось. Иногда противостояние двух женщин напоминало открытую войну, и ледяных улыбок Лавены и Театлин, адресованных друг другу, придворные боялись больше, чем открытых оскорблений, завуалированных под любезность. Такое положение длилось довольно долго и, в конце концов, заключив шаткое перемирие, принцесса-регент и герцогиня разошлись в разные стороны. Театлин тогда надолго покинула столицу империи, казалось, что навсегда. Но долголетие, дарованное полуэльфийке, решила иначе, ведь Лавена давно состарилась и скончалась, а у Театлин даже не появилось морщин, а впереди ее ждали века жизни, подаренные отцом-эльфом.

– Долгая значит долгая. Я подожду, – улыбнулась Эмрия, кивнув головой, отчего свет заискрился на короне императрицы-матери. – Я удивляюсь лишь одному, что она, вызвав твой гнев, все еще жива.

– Ей повезло, что тогда мои руки были связаны твоим мужем и Востой, иначе я заставила бы ее прогуляться по горячим углям, или по битому стеклу. Не знаю, что из этого больше, – кровожадно ответила Театлин. – Ну а после утопила бы ее в Смыре, протащив через Арис на веревке за лошадь. Интересно, она бы сдохла, не доехав до реки, или все же у меня получилось утопить этот кусок мяса?

– Знаешь, Театлин, иногда твоя кровожадность и жестокость пугают даже эльфов, – рассмеялся Лоэналь, принимая из рук служанки кубок с Черной кровью. – Но не могу не признать, что если бы ты расправилась с ней, как мечтала, сейчас у нас не было бы всех этих проблем, которые идут из Ирида. Одно я понял точно – следует доверять твоему чувству опасности.

– О чем ты? – встрепелась Театлин.

– У тебя хорошо развито предчувствие чего-то опасного.

– Я не об этом.

– Анисса отравила своего супруга, в этом я уверен, и захватила герцогство. Нам повезло, что герцогская казна защищена сильной магией, потому Аниссе не удалось запустить руки в нее, и она оказалась неспособна удержать власть в своих руках, местная знать готова поддержать восстание против нее. Но, тем не менее она еще способна доставить нам определенные неприятности.

– Змей надо душить сразу, в этом ты прав, дед, – улыбнулась Эмрия. – Но какие у нас перспективы? Она поднимет бунт? Какой по счету этот фронт будет?

– И ты туда же, – вздохнул Лоэналь. – Я еще молод. Очень молод. Зови меня отцом что ли, раз уж Театлин зовешь матушкой.

– И потом нас обвинят в преступлении против божественных законов, – усмехнулась Театлин.

– Перестань, – отмахнулся от нее эльф. – Все прекрасно знают, кто такая Эмрия, и что мы с тобой ее названные отец и мать. Это не означает, что мы делим ложе. Даже товарки на рынках об этом не подумают.

– Ладно-ладно, не спорьте об этом. Я буду называть тебя отцом, договорились, – подняла руки вверх призывая их успокоится. – Так что ты скажешь о наших перспективах в свете последних событий и новостей.

– Что я могу тебе сказать... Ситуация у нас сложная, но уже не смертельная, как было еще полгода назад. Большая часть армии на нашей стороне, и это хорошо. Большинство аристократии на нашей стороне, и это тоже хорошо. Но у нас есть очаг мятежа, который может ударить нам в спину. Благо у нас есть резервы, но все же... Все же положение очень серьезное. Воста лишил нас шпионской сети, которую ат Елар Винарзу теперь приходится плести по новой. Фактически мы лишились глаз и ушей, потому не знаем точно, сколько тех, кто готов поддержать мятеж, и сколько тех, кто готов предать мятежников. Твои сведения вселяют в нас надежду, что не все так хорошо у Восты, как нам казалось изначально. А значит, для Мирэй не все еще потеряно. Впрочем, я уверен, что нельзя недооценивать Восту. Десять лет империя была в его руках, и он мог раздавать самые жирные должности своим приспешникам, пользуясь состоянием Маглора и подсовывая ему бумаги на подпись. Теперь нам предстоит их выявить и выкорчевать. Это очень трудно, но иного нам не дано. Придется поработать.

– Восту надо выкорчевать из империи полностью, вместе со всем его семейством, – заявила Эмрия. – И незамедлительно. Чтобы даже воспоминаний о нем не осталось.

– Можешь начать с его милой дочурки, – усмехнулась Театлин.

– О чем ты? – заинтересовалась императрица-мать.

– Манисар Воста сидит под замком в королевской темнице для знатных преступников, – ответила полуэльфийка. – И меня это злит неимоверно. Первое, что меня интересует, почему она в аристократической темнице, хотя ей самое место в городской тюрьме со всяким отребьем. Каковым она сама и является. И, второе, я вовсе не понимаю, почему ей сохранили жизнь? Придушить и дело с концом. Но Маэль решил быть милосердным.

– Я удивляюсь своему сыну, – покачала головой Эмрия. – Он становится мудрым.

– Что ты имеешь в виду, Эмрия? – стараясь не обращать внимания на ехидную ухмылку Лоэналя спросила Театлин. – В чем его мудрость?

– Я была уверена, что он убьет эту змейку, как только наденет корону себе на голову, но он сохранил ей жизнь. В сложившейся ситуации не было правильного решения, но заточить Манисар в подземелье самое мудрое из доступных. Смерть сделает из нее мученицу, этакое знамя в руках сторонников ее отца, под которым они пойдут против престола, а сидя за решеткой, она менее опасна. Хоть есть возможность ее побега. Но думаю, что все обойдется.

– И ты туда же...

– Эмрия права, Театлин. Если мы умертвим ее – вручим Восте право на месть. Сделаем змеюку мученицей и те, кто сейчас колеблется в том – поддержать им корону или наглеца Восту, в надежде ухватить трон Мирэй – окончательно определятся. Ситуация безвыходная, Театлин. Мы выбрали меньшее из зол. В данный конкретный момент, это единственный вариант.

Полуэльфийка хмыкнула, не желая принимать слова брата. Она считала, что мертвая змеюка Манисар будет куда безопаснее, чем живая, пусть и с выдернутыми ядовитыми зубами. Она считала именно так, и ничто не могло изменить ее мнения. К сожалению для Театлин, теперь и Эмрия согласилась с решением императора Маэля.

– Как знаете. Но живая она принесет еще немало проблем и горя, – вздохнула она, делая глоток прекраснейшего дамийского вина.

– Я поняла одно, мне надо поговорить с этой простолюдинкой, – в голосе Эмрии искрился лед.

– Ты будешь сильно удивлена, моя дорогая, – усмехнулся Лоэналь.

– Чем же?

– Она искренне считает себя императрицей Мирэй.

– Меня это не удивляет, отец. Помнится, в миг нашего знакомства, она потребовала называть ее миной. А когда я ей напомнила правила империи, думаю, она хотела отчитать меня.

– Это очень странно, – задумчиво произнесла Театлин. – Насколько я знаю, Марияла Воста очень умная женщина, которая знает свое место, но почему ее дочь столь отвратительно воспитана?

– Боюсь тут вина отца девицы, который возомнил себя аристократом империи, и привил своим детям такое же мнение. Взял то, что не принадлежало ему по праву рождения или не даровано богами за заслуги в служении империи, – высказал свое мнение Лоэналь, пожимая плечами. – От этого все беды. В том числе и несчастья нашей империи.

Эмрия и Театлин смотрели вдаль, каждая думала об одном. Первая понимала, что ей придется поговорить с Манисар, чтобы решить для себя, достойна ли та спокойного заточения в темнице для аристократов или следует ужесточить это заточение. Вторая размышляла о том, что империя не заслужила тех бед, которые навлекла не нее мать Дарьенала Восты, не решившаяся придушить змея в колыбели.

Через половину хоры вдовствующая императрица спускалась в мрачные безликие казематы, которые были неотличимы друг от друга. Полутемный длинный коридор, освещенный лишь светом нескольких факелов, совершенно одинаковые двери – глазу было не за что зацепиться в этом темном однообразии. Эмрия удивлялась тому, как тюремщики ориентируются здесь, но она прекрасно понимала, что безликость – самое страшное наказание для тех, кто привык считать себя хозяином жизни, кто блистал при императорском дворе, кто проходил парадом по улицам Ариса, купаясь в обожании мирэйцев – все это было кошмаром для блистательных аристократов и, по мнению человека, сто лет назад проектировавшего темницу, должно быть частью наказания преступников. Идя по этому коридору, не раз заставлявшему ее вздрогнуть, Эмрия вынуждена была признать, что это работало и очень хорошо работало. Она лишь прошла по коридору, но уже чувствовала давление от окружающих ее стен.

Тюремщик отворил одну из одинаковых, ничем не примечательных, тяжелых дубовых дверей, и заглянул внутрь. Затем отступил назад, пропуская гвардейцев и императрицу, после чего закрыл двери и замер, прислонившись к стене, в ожидании, когда венценосная особа выйдет из камеры, где содержалась Манисар Воста. Эмрия опустила на стул с высокой спинкой, который для нее поставил лейтенант императорской гвардии Уйнэс ам Сагир Ситэй, и окинула внимательным взглядом замершую перед ней девушку. Та с особой ненавистью посмотрела на прекрасную женщину, что наблюдала за ней, сидя в этой убогой камере так, словно это был тронный зал.

– Что вам надо? – не выдержала Манисар, вздергивая подбородок.

Эмрия усмехнулась. Похоже, что даже заточение не смогло усмирить ее дерзость, самолюбленность и высокомерие.

– Мне кажется, что ты немного забылась, Манисар Воста, – чистый, словно хрустальные воды горного ручья, голос вдовствующей императрицы заполнил небольшую темную камеру, которую освещала небольшая лампа на столе узницы и два факела, которые принесли гвардейцы. – Ко мне следует обращаться «ваше величество». Или ты забыла о том?

– Вас низложили, – нагло усмехнулась Манисар, едва не выплевывая слова в лицо Эмрии. – И я более не обязана обращаться к вам подобным образом.

– Твои сведения жестоко устарели, Манисар Воста. Да и ранее были неверны, – вдовствующая императрица казалась непоколебимой скалой, которую не трогала дерзкая ярость маленького муравья, который пытался опрокинуть ее. – Меня не лишали короны, а лишь отправили в ссылку. И насколько я знаю, мой почивший супруг отказался подписывать указ о моем лишении титула. Соответственно теперь я вдовствующая императрица. И ты обязана соблюдать этикет.

– А я императрица! – заявила Манисар.

– Прости... Я не ослышалась? Ты назвала себя императрицей?

Гвардейцам показалось, что вдовствующая императрица хрюкнула, стараясь сдержать смех, который клокотал в ее груди, пытаясь вырваться наружу, звонким, лучистым каскадом, искрясь и переливаясь. Слова глупой дочери рыбацкого рода насмешили ее, но она не могла себе позволить столь искренние эмоции.

– Мне кажется, что я четко сказала, что являюсь императрицей Мирэй. Ведь я Манисар арэ Вариар, супруга императора Маэля Первого, – в ее голосе слышалось невероятное высокомерие, казалось, что она одаривает Эмрию своей милостью. – А посему, вы должны говорить со мной в более уважительном тоне.

– Бедное неразумное дитя, – хмыкнула вдовствующая императрица. – Ты и правда верила, что возложишь на чело корону? Даже если бы прошли годы, император Маэль никогда не признал бы тебя своей императрицей.

– Мой отец...

– Твой отец такой же простолюдин, как и ты, Манисар Воста, – перебила ее Эмрия. – Империя не пойдет за рыбаком, торговцем рыбой, тканями или чем там он там торговал прежде, чем втереться в доверие к моему супругу и подмять под себя всю империю. Если бы он был воином, может, Мирэй и признала бы его и его детей достойными короны и пребывания рядом с императорским тронem, но он даже не воин, он обычный торговец, который пытается играть с теми, чья кровь пахнет металлом и дымом сражений. Ему удалось обмануть моего супруга, сыграть на его слабостях, но подчинялась империя все же императору Маглору, а не Дарьеналу Восте. Запомни это, девочка. Ты и твоя семья ничто в империи Мирэй, которую когда-то создал великий воин Вариар. А я потомок великих эльфийских королей. Ни тебе, ни твоим братьям, ни твоему отцу не дано возвыситься в Мирэй. Вы лишь умоетесь своей кровью.

– Но я стала женой наследного принца, а мой отец правил империей, – воскликнула Манисар, обжигая вдовствующую императрицу полным ненависти взглядом.

– Ты еще более глупа, чем я думала... – печально вздохнула головой Эмрия. – Твой отец правил только потому, что стоял за спиной моего супруга и все приказы исходили из уст Маглора. Твой отец никто и ничего не может сделать.

– Неправда! Он вернется, и это вы умоетесь кровью. Он заставит Маэля вернуть мне корону, признать мое право править этой империей, – бесновалась Манисар. – Он всем вам докажет, что я достойна быть императрицей!

– Все, что твой отец может сделать разумного, это сдаться на милость императора и не раскачивать империю, – ледяным тоном отозвалась Эмрия.

– Я всех вас велю казнить! Всю вашу эльфийскую шоблу!

– Лейтенант, распорядитесь, чтобы к ней никого не пускали. Она опасна в своем безумии, – Эмрия покачала головой, поднимаясь. – Я увидела все, что хотела. Услышала все, чтобы понять: она неисправима.

Императрица-мать покинула камеру под дикие вопли Манисар, которая продолжала кричать ей в спину о своих правах на империю и на корону. Эмрия уходила несколько разочарованной, она хотела, чтобы эта девочка признала свою неправоту и помогла им справиться с ее отцом, а они в свою очередь сохранили бы ей жизнь, отправив ее жить в отдаленный городок. Но Манисар Воста ее разочаровала. Она, как и ее отец, продолжала верить в то, что у нее есть

право на корону, что империя склонится перед ними, признавая своими правителями, что все богатства этой земли будут принадлежать им и их потомкам. Эмрия вздохнула. Девушка оказалась глупа и ослеплена властью, которой у нее никогда не было и быть не могло. Именно поэтому вдовствующая императрица постаралась как можно скорее покинуть ее камеру, даже не начав разговор, который планировала. Узнать у этого безумного зверька, где прячется Дарьенал Воста, было совершенно невозможно. Маэль был прав. Убивать ее было нельзя, но и отпустить ее жить где-то в столице тоже.

Глава вторая

*Четвертый месяц лета стилтар. Первый день месяца.
144 год от рождения империи*

Мощные, почти крепостные стены главного храма эльфийского бога войны казались чуждыми в ярких лучах дневного светила, едва взошедшего над линией границы небес и земли. Они тянулись вверх, возведенные талантливым, но суровым зодчим, который обычно строил неприступные крепости. Вот и тут его талант обрел столь грозное воплощение. Казалось, что сам Суртель бросил вызов Сирте, богине небес, пронзив ее царство черными шпильями своего храма. А она ничего не могла поделать с этим, обнимая каждый шпиль, каждый зубец, словно обычная женщина, желающая усмирить гнев своего возлюбленного. Но суровость бога войны не ведала жалости. Даже густые зеленые леса, что окружали это красивое, но мрачное сооружение – главный храм Суртэля – расступались, не касаясь его стен даже тенями, которые отбрасывали деревья. Более того, даже трава не росла вокруг храма на расстоянии полета стрелы, опасаясь оскорбить взор бога войны. Лимиаль Скайтэраль, принц Элеана, Охотник за богами, призванный королем Элеана Кириалем Вторым, пожирал глазами главный храм Суртэля, словно собирался его штурмовать и искал слабые места в этой крепости. Солнечные лучи терялись в черных плитах мрамора, раскиданных по стенам в, казалось бы, хаотичном порядке, но Лимиаль видел, что с того места, где он остановил свою лошадь, эти черные пятна складывались в красивый осмысленный узор, который, в свою очередь, создавал изображение бога войны, воздевшего копье для удара. Но стоило подойти ближе, как эта картина, изображающая грозного Суртэля, уничтожавшего врагов, распадалась на месиво черных плит, которые заставляли разум теряться в их мельтешении.

Двое высоких и мощных жреца-стражника, охраняющих вход в храм, опустили копья, став похожими на статуи своего бога, что замерли за их спинами. Жрецы внимательно следили за тем, как к ним приближаются трое всадников, ощущая странную угрозу, что исходила от их предводителя. Служители Суртэля невольно вздрогнули, когда их взгляды остановились на нем, в душе у них похолодело. Казалось, что за главным всадником надвигается черная штормовая туча, превращающая наступавший день в ночь, и которая вот-вот разразится ливнем, засверкают молнии, загрохочет гром.

– Остановитесь! – велел один из жрецов, угрожающе качнув копьем, на наконечнике которого сверкнули лучи восходящего солнца.

– Ты отказываешь мне во входе в храм Суртэля, жрец? – Лимиаль остановил лошадь буквально в двух дигитах перед острием копейного наконечника.

Она захрапела, встала на дыбы, но тут же опустилась, повинувшись твердой руке всадника.

– Ритуалы в храме Суртэля начинаются на вечерней заре. Возвращайся тогда, – снова качнулся наконечник. – Сейчас никого не допускают к алтарю нашего бога.

– Ты кажется не понял с кем имеешь дело, жрец. Что ж я объясню, – улыбнулся Лимиаль. – Я Охотник за богами. Ты знаешь, что это означает?

– Д-да, – с трудом смог ответить жрец-стражник, полными благоговейного ужаса глазами пожирая Лимиаля.

Казалось, что слова Охотника за богами заставили его трепетать, то ли от страха, то ли от благоговения перед тем, кто наделен почти безграничной властью над жречеством. В глазах второго жреца появился страх.

– Тогда отойди в сторону, жрец, и дай мне и моим помощникам войти в храм Суртэля, – голос Охотника за богами стал похож на раскаты весеннего грома, каким тот бывает в самом начале грозы. – Я пришел не молиться.

– Но... Я не могу пропустить тебя, пока верховный жрец не позволит этого, – сглотнув, вставший в горле комок, неуверенно ответил жрец-стражник. – Он сейчас возносит молитвы Суртэлю.

– Ты хочешь встать на пути Охотника за богами, жрец? – Лимиаль усмехнулся, выгнув левую бровь. – Ты хочешь остановить волю богов?

Его губы скривились, словно он увидел что-то мерзкое, вызывавшее у него желание отшвырнуть его от себя подальше, а то и раздавить, наступив обутой в сапог ногой.

– Я... – жрец-стражник запнулся на этом слове, он явно пытался для себя решить, что ему делать в этих обстоятельствах. – У нас есть правила, которые не позволяют мне пропустить кого бы то ни было без разрешения верховного жреца Ваиртиаля. Даже Охотника за богами.

– Ты понимаешь, что тем самым ты подписываешь смертный приговор не только себе, но и верховному жрецу Ваиртиалю, который за каждого из вас отвечает своей головой. Я имею право отбирать жизни у жрецов, позабывших о возложенных на них обязанностях. Отбирать ее прямо на алтарях богов, которым они служат. Ты желаешь быть принесенным в жертву Суртэлю, как недостойный звания жреца? Ты желаешь, чтобы пролилась кровь и твоих братьев?

– Я всего лишь жрец-стражник, Охотник за богами. Я не могу изменить правила, которым мне надлежит следовать, – голос привратника стал печальным. – Их устанавливал не я. Не мне их и менять.

Казалось он уже ощущает обнаженной спиной холодный камень алтаря и видит приближающееся к его груди черное лезвие ритуального кинжала, темное, испещренное тонкой вязью заклинаний, начертанных серебряными буквами. Лимиаль вздохнул, поднял взгляд к небу и прищурился, пытаясь определить по солнцу, сколько времени прошло с рассвета и сколько у него осталось до начала ритуала служения Суртэлю, когда в главном храме окажется слишком много народу для того, чтобы Охотник за богами смог бы хоть что-то сделать. Да и верховному жрецу будет не до разговора с Охотником за богами. Ночевать среди жрецов бога войны Лимиаль не планировал, более того, он собирался потратить на разговор с Ваиртиалем не более хоры, а дальше отправиться к следующему храму. Охотнику за богами казалось, что ему хватит этого времени для того, чтобы понять то, что движет верховным жрецом бога войны Суртэля: служение богу или жажда власти – и вынести ему приговор. Жизнь или смерть – все это было столь просто, что на принятие такого решения требовалось не больше хоры, а порой и того меньше.

– Внутренние правила храмов не имеют для меня значения. И ты это знаешь, жрец, – со вздохом произнес Лимиаль.

– Прости меня, Охотник, я не хотел тебя оскорбить, но и оказаться наказанным за несоблюдения правил моего храма я тоже не хочу. Не слишком приятный выбор, поверь мне, – жрец-стражник опустил повинно голову. – Позволь мне спросить у верховного жреца разрешения, соблюсти все то, что мне предписывает внутренний свод правил, и тогда впустить тебя под своды обители Суртэля.

Лимиаль снисходительно посмотрел на жреца, понимая, что выбора у него не остается, ведь не проливать же кровь рядового жреца, связанного по рукам и ногам правилами, установленными задолго до его рождения.

– Ладно, я помилую тебя, жрец, – с насмешкой в голосе заявил он. – В последний раз. Я не буду подвергать твою жизнь опасности быть оборванной по велению верховного жреца за нарушение внутренних правил. Иди, доложи о том, что у входа в обитель Суртэля ждет Охотник за богами и чем дольше он ждет, тем явственнее опасность, что нависла над этой обителью. Мое терпение не безгранично.

Жрец-стражник кивнул и торопливо исчез в полутьме, царящей под сводами храма Суртэля. А Лимиаль перекинул ногу через переднюю луку седла и облокотился на нее, задумчиво разглядывая стены главной обители Суртэля на землях Элеана. Бог, у которого было две ипо-

стаси, вызывал у Охотника за богами некоторую брезгливость, а порой и безотчетный страх. Никто из поклонявшихся Суртэлю не мог предсказать, какую из своих личин он им покажет: бешеного воина, готового пить кровь врагов, рубить их направо и налево без разбора, или разумного полководца, что ведет воинов за собой и готов жертвовать своей жизнью, чтобы спасти то, что ему надо защищать. Двудикий и потому опасный в своей непредсказуемости. Но при этом каждый его сородич молился Суртэлю перед боем, моля его даровать милость и сделать руку твердой, а сердце безжалостным к врагам.

Лимиаль поднял взгляд на голубые просторы небес, на белые кустистые облака, которые медленно плыли по небосклону, иногда задевая пушистыми краями солнечный диск, пугаясь этого и стараясь, как можно быстрее, уплыть прочь от горячего дневного светила. Казалось, что время остановилось, застыв, как бабочка в безжалостной смоле. Охотник за богами перевел взгляд на черный провал входа в главный храм Суртэля, который выглядел ужасным проходом в пугающий мир неизведанного и опасного. Добираясь сюда, он был уверен, что проникнуть внутрь не составит особого труда, что его титул Охотника за богами откроет ему все двери и обеспечит уважение жрецов. Но этого не случилось. Он буквально споткнулся о свод внутренних правил храма. «Интересно, кто еще встретит меня столь недружелюбно? И смогу ли я...» – его мысли прервало появление жреца-стражника. Он вернулся примерно через четверть хоры, показавшейся Лимиалю вечностью.

– Я никогда не отличался терпеливостью, жрец, – произнес он, разглядывая второго стражника, все еще преграждавшего ему путь. – В королевском дворце я бы снял тебе голову без разговоров.

– Прости меня за задержку, Охотник за богами, – жрец поклонился, побледнев. – Верховный жрец молился, и я не смел прервать его молитву.

– Молитва это святое, – усмехнулся Лимиаль.

– Следуй за мной, Охотник за богами.

Жрец-стражник преувеличенно почтительно поклонился ему, и отступил в сторону, не разгибая спины, освободив проход в храм. Лимиаль спешил. Охотник за богами, не глядя, бросил повод одному из своих спутников и ступил в темноту главного храма бога войны Суритэля. Та обступила его со всех сторон. Она казалась тяжелой, словно человеческие доспехи, которые отличались большим весом в отличие от созданных эльфийскими мастерами. Она давили, заставляя опустить плечи, пригнуться к полу. В какой-то момент Лимиалю показалось, что он попал в плен к этой заполнившей все вокруг тьме, робко рассеиваемой факелами, закрепленными в скобах на стенах. Он никогда не бывал в главном храме бога войны, он едва сдерживался, чтобы вертеть головой, разглядывая украшенные барельефами стены, а также ища выход из царившей тут тьмы, давящей и почти непроницаемой. Барельефы только добавляли угрозы в это состояние. Убранство обители Суртэля сочетало роскошь и мрачность, именно таким был и сам неистовый бог войны.

Верховный жрец Ваиртиаль, служивший Суртэлю всю свою жизнь, ожидал Охотника за богами перед алтарем, который в отличие от остального убранства храма оказался скромным и даже строгим: простая мраморная плита непривычного для мрачного храма молочно-белого цвета. На ней сейчас лежал меч, который отливал металлическим блеском в свете, падавших на алтарь солнечных лучей, пробивавшихся через специальные отверстия в куполе храма. Лимиаль невольно проследил взглядом за этим светом.

– Приветствую тебя, Охотник за богами, – верховный жрец бога войны склонил голову. – Что привело тебя к жречеству Суртэля? Мы следуем своему предназначению – служить богу Суртэлю. И исполняем свой долг честно.

Лимиаль едва заметно улыбнулся, отмечая про себя парадные одеяния Ваиртиаля.

– Странный вопрос ты задаешь, жрец, – спокойно ответил Лимиаль. – Тебе следует задать себе вопрос о том, а нет ли у тебя прегрешений, из-за которых к тебе могу явиться я. Мой путь лежит от храма к храму и ничем не ограничивается.

– Я всегда честно служил своему богу и уважал других богов, что правят этим миром, – голос Ваиртиаля был спокоен, казалось, что он и правда верит в свои слова. – Власть в Элеане мне не нужна. Так зачем же ты тут?

– Других богов... – задумчиво произнес Охотник за богами, пройдясь вдоль алтарной плиты под внимательным взглядом верховного жреца бога войны. Каждый его шаг отдавался в гулком алтарном зале.

– Что тебя так удивляет, Охотник?

– Жречество Элеана не отличается уважением друг к другу. И уж точно ему плевать на людских богов. Дай ему волю, и оно уничтожит всех людских богов, заставит возносить молитвы только своим богам. А значит и нести жертвоприношения в ваши храмы, а не своим богам.

– И это будет оправдано, Охотник. Мы должны увеличивать тех, кто молится нашему богу. Ведь, чем больше их, тем больше власть бога и больше его сила. Посмотри на богов Мирэй, они слабы, ведь в империи все молятся тем, кому захотят, и лишь добровольно приходят к Уру. Тем самым Верховный жрец Ура ослабляет власть своего бога в Мирэй и свою тоже. Наши боги не такие.

Лимиаль покачал головой. «Власть... Все вы, жрецы, желаете бесконечной власти, отказывая в ней даже королям. Вы желаете сами короновать их и лишать короны, навязывая им супруг, угодных вам, и отнимать тех, кто более подходит династически. Хотя именно власть королей и императоров в этом мире провозглашена вашими же богами. Не вами», – мысленно вздохнул он, оглядывая Ваиртиаля, который столь уверенно говорил о богах, как о своих, так и о чужих. Казалось, что он сам верил в каждое слово, что слетало с его уст.

– У каждого народа свои обычаи, – меж тем согласился с ним Лимиаль, понимая, что не хочет вступать в этот опасный религиозный диспут. – И мы должны принимать их.

– В этом ты прав, Охотник. Совершенно прав, – Ваиртиаль склонил голову, признавая слова собеседника. – Так, о чем ты желал поговорить со мной?

– Ты прекрасно знаешь, какие вопросы я должен задать тебе, верховный жрец.

– Знаю, – кивнул тот. – Каждый знает, что должно спросить у жрецов Охотнику за богами. Я отвечу на незадаанные тобой вопросы. Честно отвечу. Мне нечего скрывать от взора богов и смертных. Его величеству Кириалю и Богу-Отцу не следует переживать об орденах жрецов Суртэля. Скажу более, жрецы Суртэля – это последние о ком им следует беспокоиться. Мы слишком далеки от склок за власть.

– Отцу богов нет дела до того, что делают служащие его детям жрецы. И ты об этом знаешь, – повел плечом Лимиаль. – Он оставляет право напоминать им об их долге Охотникам за богами. Думаю, что если дети его решат восстать против него, он сможет остановить этот мятеж. Мой же долг напомнить жрецам об их долге. И остановить их в безудержной жажде власти.

– Давай я расскажу тебе, Охотник, почему тебе не стоит беспокоиться о том, что жрецы Суртэля забудут о своем долге и включатся в борьбу за такую призрачную вещь, как власть, которая им без надобности. А лучше даже покажу.

Ваиртиаль сделал приглашающий жест, призывая Лимиаля ступить за алтарь. Охотник за богами удивленно выгнул левую бровь, но все же последовал за жрецом, вынужденный довериться его верности долгу, о которой тот так уверенно говорил. Верховный жрец Суртэля не подозревал, что сейчас творится в голове у Лимиаля, который сделал несколько шагов, отделявших его от задней части алтаря. Он остановился, дожидаясь, когда тот решится последовать за ним. Охотник с трудом сдержался и не подал вида, но то, что он увидел его сильно удивило: под алтарем зиял непроницаемо мрачный проход, ведущий куда-то вниз.

– Прошу за мной, Охотник, – усмехнулся Ваиртиаль, делая первый шаг во тьму, царящую впереди. – Ты все поймешь.

– Куда мы идем?

– Сейчас все поймешь, Охотник. Я покажу тебе изнанку нашего храма. Ту, что не видят молящиеся о милости Суртэлю у его алтарей.

– Что ж... Раз мне уготована такая честь – веди. Только я сверну шею прежде, чем увижу хоть что-то в этой тьме, – невольно хмыкнул Лимиаль.

– Не свернешь, – ответил жрец. – Свет тут зажигается лишь тогда, когда приходят те, кому он не причиняет вреда.

Судя по звуку, он взмахнул рукой и на стене вспыхнули закрепленные там лампы, осветив ярким желтым светом черный мрамор, которым был облицован коридор. Лимиаль отметил, что стены не были гладкими, их украшали тонко выполненные барельефы, изображавшие историю Суртэля. Свет раскачивался, и казалось, что фигуры на стене оживают, что сама история становилась живой, словно Лимиаль сам был ее частью. Это были очень красивые, искусно выполненные барельефы, которые никто и не видел и никогда не увидит. В этом Лимиаль был уверен. Он невольно сосчитал ступеньки, которые вели вниз, в неизвестность, их было ровно пять десятков. И история Суртэля как раз заканчивалась внизу, с последней ступенькой. Известный мастер вписал все известные легенды о неистовом боге войны в две короткие стены, ведущие к тайнам жрецов. Лимиаль невольно отдал должное мастерству художника. Ваиртиаль остановился на последней ступеньке, поджидая Охотника за богами на границе света и ничем не нарушаемой тьмы. Его фигура зловеще выделялась на черной пустоте, ярко освещенная последними лампами. Лимиаль сглотнул. Ему начало казаться, что он спускается в подземное царство, где правят мертвые и тот темный бог, имя которого запрещено упоминать, дабы тот не счел его молитвой и не откликнулся, тот, кого велено было забыть навсегда, ведь его жестокость поразила даже жестоких эльфийских богов.

– Ну что, Охотник, ты готов ступить во тьму? Увидеть то, что никому из молящихся Суртэлю неизвестно? Узреть судьбу, которая уготована нам, жрецам Суртэля? – в голосе Ваиртиаля зазвучали высокомерные нотки, наверное, именно таким тоном и говорят прорицатели, когда озвучивают свои предсказания, подумалось Лимиалю. Тем не менее, он кивнул жрецу. – Тогда следуй за мной, Охотник.

Ваиртиаль пошел вперед прежде, чем Охотник за богами успел остановить его. Казалось, что он исчез в непроглядной тьме, но в следующий миг вспыхнула большая жаровня в центре широкого коридора, по которому шел верховный жрец. Черная железная корзина, заполненная ярко полыхавшими углями, удерживалась искусно сделанными странно выглядящими в неровном свете огня, похожими на гончих животных, облаченных в доспехи тонкой работы. Лимиаль сначала даже подумал, что это чучела животных, настолько тонкая и искусная это была работа. Ваиртиаль же не обращал внимания на жаровни, которые он, видимо, лицезрел столь часто, что разучился различать их красоту. С каждым его шагом загорались все новые жаровни, стараясь разогнать темноту, что царила тут. Но они не справлялись, лишь с трудом дотягиваясь до стен коридора, по которому шли жрец и Охотник. Лимиаль уже начал уставать, не видя ничего кроме тьмы и стен коридора, даже загоравшиеся сами по себе при их приближении жаровни больше не радовали его взгляд, но вот Ваиртиаль сделал еще один шаг и Охотник за богами удивленно замер на месте.

Свет от жаровен отразился от металлических решеток, а из тьмы, что царила за ними, раздался разноголосый вой. Лимиаль невольно отступил на шаг и зажал уши, когда в ближайшую к нему решетку врезалось облаченное в жреческие одеяния существо, безумно вращающее глазами.

– Ч-что это? – невольно запнулся на вопросе Лимиаль. – Откуда это?

– Это и есть темная сторона служению богу войны Суртэлю, – печально усмехнулся верховный жрец Ваиртиаль. – Наш самый охраняемый секрет, который не дано узнать никому. Как ты, наверное, знаешь, Охотник, у Суртэля есть две ипостаси. Первая – благородный, храбрый воин, который сражается за правое дело и готов отдать жизнь за любого из своих соратников или мирного жителя. А вторая... – он на миг замолчал, словно собираясь с силами. – Вторая – боевое безумие, темный воин, который убивает ради вкуса крови, что течет в жилах его врагов, ради чувства разрываемой мечом или копьем плоти.

– Я слышал об этом... кажется, – Лимиаль убрал руки от ушей и морщился от криков и воя, который звенел, отражаясь от стен, обрушиваясь на двух эльфов, словно штормовые волны на прибрежные скалы, от того безумия, что лилось отовсюду.

– Мы, жрецы великого бога войны, рискуем пройти обе эти ипостаси. Никто не знает, какая судьба уготована ему богом, которому он служит. Даже я. Здесь, под главным храмом Суртэля, содержатся в заточении жрецы Суртэля принявшие боевое безумие. Это проклятье, которое висит над нами с того момента, как мы проходим жреческую инициацию. И мы ничего не можем сделать с ним, только принять.

– Но зачем вы их тут заточили? – Лимиаль озирался по сторонам, пытаясь определить размеры подземелья.

– Ты не понимаешь, Охотник, – печально покачал головой Ваиртиаль. Верховный жрец как-то осунулся, на его лице залегли глубокие морщины, словно он достиг конца своей жизни и уже готов переступить через границу жизни и смерти. – Ты совершенно не понимаешь, Охотник. Если мы их выпустим, они в своем боевом безумии убьют немало эльфов. И сопротивляться им не смогут даже самые искусные воины Элеана. Такое бывало в нашей истории, когда из подземелий удалось выбраться всего трем жрецам, ступившим в тенета боевого безумия, но убить они смогли несколько тысяч, прежде чем Суртэль смог их уничтожить руками своих жрецов. Мы же не можем убить их, ведь они это мы и напоминание нам, что все имеет свою цену.

– Почему же вы держите их в темноте? Если даже вы не можете их выпустить из заточения, и они вынуждены сидеть в клетках, почему бы не оставить им хотя бы толику света?

– Ты слышишь тишину, Охотник? – внезапно спросил Ваиртиаль.

– С тех пор, как загорелась первая жаровня здесь очень шумно.

– Вот именно. А теперь смотри.

Верховный жрец Суртэля взял факельную заготовку, каковые стояли возле каждой жаровни, окунул ее в огонь, наблюдая, как пламя впивается в пропитанную маслом древесину. В следующий миг он шагнул к решетке, что отделяла комнату жреца-узника от длинного коридора. Стоило только желтому пятну света разогнать тьму, как Лимиаль в изумлении уставился на узника. Он был опрятен, аккуратно причесан, чист, все еще облачен в многослойные жреческие одеяния, ничто в его облике не говорило о его состоянии, кроме глаз. Боевое безумие, бешенство, неконтролируемая ярость буквально прожигали Лимиаль. В следующее мгновение жрец улыбнулся, и по спине Охотника за богами пробежал холодок. Было в этой улыбке что-то такое, что заставляло леденеть от страха. Жрец склонил голову, всматриваясь в Лимиаль полными странной и неконтролируемой ненависти глазами. Охотник за богами никак не мог понять, какого цвета были глаза у этого жреца прежде, теперь же они пылали кроваво-красным, отражая свет факела. Узник храма просунул между прутьями холеную руку, которой не могло быть у того, кто много лет сидел во тьме за стальными решетками. В следующий миг он скрыл пальцы, стараясь добраться до Ваиртиаля или Лимиаля, хоть до кого-то. В его взгляде загорелось жажда крови, желание убивать, но пальцы схватили воздух не имея возможности дотянуться до горла тех, кто находился по ту сторону решетки. Сделав несколько бесплодных попыток, жрец завыл и зарычал одновременно, этот крик подхватили невидимые в темноте узники храмового подземелья, отчего этот страшный звук сначала раскатился по коридору,

а затем вернулся обратно, словно приливная волна накрывая двух эльфов, замерших в желтом пятне света, отбрасываемого жаровней. Жрец, которого освещал факел в руках Ваиртиалья, вцепился в прутья решетки, отделявшие его от коридора, и принялся яростно трясти их. Металл зловеще звенел и стучал, отражаясь от стен, падая на пол и раскатываясь по нему металлическими шариками. Лимиаль никак не мог понять, один ли узник смог создать этот хаос, или же из тьмы его поддержали такие же как он бедолаги. Грохот прокатился по коридору и стих, столь же внезапно, как и ветер перед очередным неизбежным ударом стихии. Несколько долгих мгновений абсолютной тишины буквально разорвались возгласом Лимиалья, когда жрец-узник, не имея возможности добраться до верховного жреца Суртэля и Охотника за богами, вцепился своими холеными ногтями в свою же руку, раздирая ее в кровь, после чего принялся размазывать кровь себе по лицу, блаженно улыбаясь.

– Пойдем отсюда, Охотник, – тихим голосом произнес Ваиртиаль, но Лимиалью показалось, что его голос оглушает, словно грохот летящих по склону горы камней. – Чем дальше мы здесь, тем больший вред он причинит себе, не имея возможности убить нас. А его безумие заразно для остальных, через четверть хоры здесь будет невыносимо.

– Пойдем, – согласно кивнул тот, наблюдая, как верховный жрец кидает факел в жаровню.

Огонь радостно принял эту жертву, ярко вспыхнув и одарив эльфов снопом искр, которые взметнулись к потолку и опали, словно гаснущие в небе звезды. Узник, бесновавшийся в пятне света, который отбрасывал факел, затих, как только тьма вновь сомкнулась вокруг него успокаивающим коконом. Рычание, с которым он раздирал руки, сменилось воем на одной ноте, постепенно перейдя в шепот и тишину.

Лимиаль покидал храмовое подземелье с тяжелым сердцем. Ему казалось, что тайна, которую Ваиртиаль поведал ему, станет оружием в его руках, и позволит Кириалю держать жрецов Суртэля в цепях повиновения, но теперь он не был уверен, что ему следует рассказывать об увиденном королю Элеана. Теперь это должно стать его личной тайной, тяжелым бременем, которое ему предстояло нести.

– Скажи мне, жрец, почему вы не откроете миру правду о том, что служение Суртэлю сопряжено с такими опасностями? Когда простые эльфы узнают о том, уважение к вам будет куда больше, чем сейчас, – начать разговор было трудно, казалось, что слова не желают покидать его язык, цепляются за небо, оставляя на нем глубокие, болезненные царапины.

– Зачем? Пусть эльфы верят, что Суртэль – великий бог войны, который дарует силу воинам, что служат ему. Думаешь, весть о том, что Суртэль отнимает разум у тех, кто слишком рьяно служит ему и слишком погружается в это служение, забывая о том, кто он и для кого он молится своему богу, прибавит популярности нашему ордену? Ты жестоко ошибаешься, Охотник. Этот мир жесток. У нас и так немного жрецов, а боевая ярость косит наши ряды, – покачал головой Ваиртиаль. – Ни одно аристократическое семейство не отпустит своего отпрыска на жреческую инициацию в храм Суртэля, узнав о боевой ярости, что может их лишить отпрыска. Мы не служители Хессель, не Дахрат, куда знать вынуждена отправлять своих дочерей, ведь никому не хочется лицом к лицу столкнуться с разъяренными предками, чьи духи не найдут упокоения и новой жизни.

– Я понял главное, жрец, тебя я могу исключить из списка тех, кому следует напомнить о его обязанностях служения богам, но не своим амбициям, – голос Лимиалья звучал уже иначе, в нем не было ни доли того вызова, что он бросал Ваиртиалю в начале их разговора. – Суртэль сам не дает вам забыть о том.

– Ты прав, Охотник. Могу тебе сказать лишь одно: у нас была карта, древняя карта Элеана и она недавно пропала. Я не знаю, кому потребовался сей артефакт Суртэля, но надеюсь ты вернешь мне ее, если обнаружишь.

– Всенепременно, – Лимиаль кивнул. – А теперь я отправлюсь дальше. Не всех жрецов боги наказывают собственноручно.

– Да обагрят Суртэль твой меч кровью недостойных, – традиционно пожелал Охотнику за богами Ваиртиаль.

Тот кивнул и направился к выходу, стараясь осознать то, что он увидел в храмовых подземельях. Осознать и принять. Наполненный ненавистью и боевой яростью взгляд узника того подземелья преследовал его, словно тлеющие угли только что потухшего костра. Лимиаль пытался забыть его скрюченные, похожие на птичьи лапы, пальцы, тянущиеся к нему в попытке вытащить душу. Охотник за богами содрогнулся. «Сколько еще тайных ужасов я узнаю о жречестве, пока пройду этот шипастый путь?» – со вздохом подумал он, садясь в седло. Двое его помощников без вопросов и сомнений последовали за ним. А Лимиаль ехал вперед снедаемый невеселыми мыслями. Его ждал главный храм Гласэли, и он опасался увидеть такие же тайны у богини охоты.

Глава третья

*Четвертый месяц лета стилтар. Третий день месяца.
144 год от рождения империи*

Большая армия была медлительной, как запряженный в тяжело груженую телегу вол. Она ползла вперед со скоростью улитки, растянувшись на несколько лиг поблескивающей сталью змеей. Обозные телеги не поспевали за марширующими пехотными лохосами и уж тем более не успевали за спешащей вперед конницей. Они скрипели, вязли в лужах, которые остались после дождей, накрывших эту часть Тарэнты, сваливались в продавленную в рыхлой, напоенной влагой земле колею. Казалось, что ливни смыли и всех жителей большого королевства, ведь пока мирэйцы встречали лишь пустые деревни, где не оставалось даже скотины во дворах. Видимо, жители прятались в ближайших лесах, ожидая, когда армия пройдет мимо. Мирэйцев встречали домики, слепо глядящие в серое, затянутое плотными облаками, небо пустыми глазами окон. Во дворах валялись оставленные в спешке инструменты, корзины, кое-где полоскалось на ветру мокрое белье, вывешенное хозяйками просушиться на солнце, которое было редким в эти дни. Иногда во дворах встречались забытые в спешке куры или даже собаки, оглашавшие окрестности истовым лаем, чтобы не допустить пришельцев в свои владения. Только воины мирэйской армии не обращали внимания на все это, проезжая одну пустую деревню за другой. Армия неумолимо шла вперед, не собираясь заниматься грабежом.

Маэль ар Вариар, император великой империи Мирэй, созданной и населенной людьми, недовольно поджимал губы, когда они в очередной раз разбили лагерь, чтобы отдохнуть перед очередным переходом. Ему не нравилось, что войска столь медленны, его злило то, что они делают не больше десяти лиг в день. Императора это сильно раздражало, и он делал все, чтобы не выпустить это раздражение, смешанное с гневом, наружу. Мирэйцы приближались к границам Саргоссы, и Маэль понимал, что армии требуется определенный отдых, прежде, чем они совершат финальный бросок до этого маленького государства, которое посмело присоединиться к тем, кто бросил вызов мощной империи, стоило только той слегка ослабеть. Император прошелся по шатру, который разбили для него в центре небольшого городка, в который как обычно превратился их походный лагерь. Солнце медленно и неохотно уходило за горизонт, высекая искры из белых палаток простых воинов и разноцветных шатров знатных командиров, складывавшихся в четкий узор, видимый с высоты птичьего полета. Рядом с красно-золотым шатром императора раскинулся зелено-золотой шатер наследного принца Элеана. К ним будет трудно пробиться, если на лагерь нападут враги, как и наемным убийцам будет непросто пройти через весь городок, чтобы исполнить заказ и убить императора или принца. Сам наследник элеанской короны Скааль Скайтэраль сидел в шатре императора Мирэй за столом, на котором была разложена карта с пометками. Их наносили эльфийские маги-разведчики после очередного осмотра местности. Он старался не обращать внимания на внучатого племянника, мерившего шатер шагами. Принц хмурился, пытаясь понять, что ожидает их дальше. Хотелось дать одно генеральное сражение, разбить армию Тарэнты, и отпраздновать присоединение королевства к империи, а не тащиться по дождливым лесам, проваливаясь по колено в грязь, в попытке догнать тарэнтийского принца.

– Ваше величество, – полог шатра дрогнул, пропуская внутрь командующего императорской гвардией Элера ан Къель да Скалэя.

– Что там, Элер? – Маэль замер на полушаге, повернувшись к своему гвардейцу настолько быстро, словно тот принес весть об атаке тарэнтйцев или о том, что те предпочли сдаться без боя.

– Лохаты просят провести военный совет и дать армии небольшой отдых. Им требуется три дня, чтобы обозы смогли догнать нас, – меж тем ответил командующий. – Дальнейший марш без обозов опасен.

– Всего-то, – плечи Маэля поникли. – Ладно, скажи им, что мы задержимся тут на семь дней, а потом я хочу взять Саргу с наскока. Хочу потратить на это не более трех дней. Мне надоело перебирать деревеньки и гоняться за армией, которой нет. Хотя я знаю, что она есть, но я не могу ее увидеть и уж тем более не могу почувствовать, как мои кулаки выбивают кровь из ее неповоротливой туши. Потому я хочу взять этот город. Хоть какой-то приз в этой гонке с невидимкой.

– Успокойся, Маэль, – подал голос Скааль, откинувшись на высокую спинку стула. – В таком деле, как война, спешка не к месту. Она ведет к гибели многих хороших воинов. А мы не можем себе позволить такую роскошь.

– Как я могу успокоиться, когда мы ползем, словно сонная улитка? – рявкнул в ответ Маэль, но тут же осекся, глубоко вздохнул и произнес: – Собирай лохатов, Элер!

– Слушаюсь, ваше величество.

– Маэль! Ты хочешь потерять еще несколько Линартов? А ведь ты движешься к этому бешеным галопом, еще и подгоняя лошадь, если она сбавляет ход, – покачал головой Скааль, наблюдая за императором.

Тот скрипнул зубами, услышав напоминание о трагической потере друга. Элер тем временем исчез, спеша выполнить императорский приказ, но больше всего стараясь скрыться от взора Маэля, который явно начинал впадать в ставшую уже привычной его гвардейцу неконтролируемую ярость. Ее приступы становились все чаще и все ужаснее. Император вздохнул и принялся вновь вышагивать из одного конца шатра в другой под скучающим взглядом наследника эльфийской короны. Казалось, что эта прогулка успокаивает его, давая силы на то, чтобы контролировать накрывающую волну гнева.

– Ну и что ты мечешься по шатру, словно дикий зверь в загоне в поисках выхода? – через несколько долгих мгновений заявил эльф, внимательно посмотрев на внучатого племянника. – У меня от тебя уже голова кружится, Маэль. Если Лииталь использовал изменяющую облик магию, твоя императрица в безопасности. Не сходи с ума. Никто не сможет распознать эту магию. Остается надеяться лишь на нее. Я верю, что она сможет убедительно изобразить мою сестру.

– Вот в этом-то я и сомневаюсь, – император вздохнул, резко остановился и упал на ближайший стул. – Кайя может не выдержать и показать свое лицо. Истинное лицо неистойвой дочери ан Кбель да Скалэев.

– Даже она не сможет снять наложенную на нее личину, – хмыкнул Скааль. – Лииталь сильный маг. – Ты сам понимаешь принцип работы такой магии.

– Я не о том, – Маэль покачал головой. – Она может признаться, что вовсе не Инитэль Скайтэраль, если они наступят на хвост ее гордости. Или если она посчитает, что такое признание спасет империю.

– В ее положении такое признание может нанести непоправимый вред империи и ей. Думаю, что она не настолько глупа, чтобы подвергнуть свою жизнь опасности, – покачал головой Скааль. —

– Ты плохо знаешь Кайю, Скааль, – рассмеялся Маэль.

– Начнем с того, что я ее совсем не знаю, – хмыкнул эльф.

– Вот именно. Эти скоты могут пригрозить уничтожением Ариса, Саматы и самое главное Ирида, а если она скажет им правду, могут пообещать ей сохранить жизнь горожанам... – император на мгновение замолчал, словно пытаясь осознать только что сказанное им. – И она раскроет свою личность. Впрочем, возможно, она в курсе того, что мы побеждаем в этой войне и нашим городам ничто не угрожает. Тогда она в безопасности.

– Я уверен, что она верит в тебя и в твои возможности. А потому верит и в то, что все города империи в полной безопасности и под властью империи.

– Главное, чтобы она знала, что я стал императором и все изменилось. Что ей больше не следует опасаться Восты и его ненасытного семейства. Важно и то, чтобы она знала, что теперь ее мачеха связана по рукам и ногам, ведь армия не позволит ей бунтовать и диктовать свою волю Кайе или Элеру. Ну и главное, сейчас очень важно дать понять Кайе, что Манисар никто и ее имя ничтожно. Я знаю, что Кайя человек чести, таких мужчин поискать, чтобы так относились к чести, как она, именно поэтому Кайя ушла из крепости, чтобы не создавать лишних проблем.

– Я думаю, что тебе стоит сделать одну вещь, которая изменит жизнь многих, в том числе и Кайи, – усмехнулся Скааль. – Очень простую, но очень важную вещь.

– И какую же?

– Отмени указ своего прадеда, который низводит женщин твоей империи до положения мебели в доме мужчины. Вспомни, женщины клана Сал воевали наравне со своими мужчинами и вели хозяйство. Порой они даже вмешивались в управление кланом, и ни у кого не возникало желание заткнуть им рот.

– Вариар о том хорошо знал.

– Но не обозлился же на них. Проступок одной алчущей власти дуры не бросает тень на всех ее подруг, – снова усмехнулся эльф. – Вариар понимал это. Лишь его правнук напугался предательства и ограничил тех, кто и без того предать не могут. Лохосами они не командуют, в Имперском совете не заседают, империей не правят. По этой логике следовало мужчин ограничить в их власти над миром.

– Я себе это представил. Было бы довольно весело, – рассмеялся Маэль. Справившись с приступом веселья, император добавил: – Но ты прав, Скааль, ты совершенно прав. Именно так я и поступлю, когда закончу эту войну и вернусь в столицу. Вреда от этого не будет, хватит лишать женщин возможности дать совет своему супругу. Порой эти советы очень важны и верны. Взять хотя бы мою прабабку, Театлин. Она мудра в своих решениях.

– О, нет! Только ей не надо позволять говорить, она же не только тебя советами замучает, но и до моего венценосного отца доберется, – расхохотался Скааль. – Представляю выражение его лица в тот момент.

– Теперь я знаю, как справиться с Элеаном, если мне это потребуется, – хмыкнул Маэль.

– И как же?

– Отправлю Театлин анэ Вират Мирэсель посланником в Эстрию, – задумчиво произнес император, наполняя свой кубок вином. – И посмотрю, когда Кириаль придет молить о пощаде. И будет просить забрать несносную женщину обратно в Арис.

– Боюсь, что венценосный отец поступит гораздо неожиданней.

Эльфийский принц загадочно улыбнулся.

– Это как же? Не хочешь же ты сказать, что он посмеет казнить прабабку императора Мирэй, – Маэль внимательно посмотрел на Скаалья. – К тому же казнить посланника это неблагородный поступок.

– Нет, конечно, – тот продолжил загадочно улыбаться. – Он просто вызовет в Эстрию ее отца, который быстро призовет дочь к порядку. Я не уверен, что Театлин может послушаться Варлиаля Аминирах Вирата. Никому не хочется сидеть запертым в замке десять лет, а то и дольше.

– Я бы не был столь уверен в том, что она не будет спорить, – император покачал головой. – Эта женщина стояла у истоков империи и не дала ей рухнуть в пропасть, когда появился император-тиран, боявшийся предателей. Иногда мне кажется, что Театлин способна бросить вызов даже богам, если это потребуется. Мало кто способен остановить эту женщину. У нее сердце воина.

– С этим я соглашусь. До сих пор вспоминаю ее взгляд, когда мы впервые встретились, – Скааль передернул плечами. – Чувствовал себя провинившимся мальчишкой. Причем сам не понимал в чем моя вина. Неудивительно, что она покорила Мариалю.

– Театлин это умеет, – улыбнулся Маэль. – Ты знаком с ней столь немного, а я ее знаю очень давно. Мне иногда кажется, что если она захочет, все мужчины будут следить за ней во все глаза и повиноваться малейшему жесту ее пальцев.

– Боюсь, что тебе передан и ее упрямый характер. Так что ты не просто ее знаешь, вы с ней дышите в унисон. Знаешь, я очень хочу познакомиться со своей племянницей, твоей матушкой императрицей Эмрией. Мне кажется, что она ничем не отличается от Театлин.

– Это не так сложно, как тебе кажется, Скааль. Вернемся в Арис и ты обязательно с ней встретишься. Как и с моим дядюшкой, Сирилем ан Вират Мирэселем. Думаю, он будет рад знакомству с отцовской родней. К сожалению, они не знали своих родителей, которые погибли, когда моя матушка и дядюшка Сириль были маленькими детьми, а потому рассказать о них они вряд ли смогут.

– Я помню эту трагедию. Венценосный отец тогда был очень опечален, – голос Скааля стал пустым, казалось, что он вновь переживает те черные дни, когда погиб его брат. – Вы не знаете, но тогда Мирэй едва избежала войны. Он собирался сровнять с ликом Селерана империю, которая, как он считал, убила его сына. Тогда мы его насилу отговорили. Было сложно бороться с венценосным отцом и кровожадными жрецами, которые мечтали навязать своих богов Мирэй и тут же уцепились за возможность войны.

– Могу вам сказать только спасибо, – улыбнулся Маэль. – Против Магического корпуса Элеана мы точно не выстояли бы.

– Скажи это своему деду. Варлиаль Аминирах Вират тогда говорил с королем Элеана почти десять хор. Иногда нам казалось, что этот разговор никогда не закончится. После него король заперся в своей спальне и провел там три дня и три ночи. Слуги говорили, что он просто сидел в кресле и смотрел в небо, которое было видно из открытого окна. Он не реагировал на слова и отказывался от еды и питья. Аминирах Вират тогда заставил его скорбеть три дня глубоко в своей душе, а потом вновь стать не отцом, потерявшим любимого ребенка, а королем древнего королевства, которому не тягаться с империей людей в военной мощи. Ему следует разумно строить отношения с ней и не срывать на ней свое бескрайнее горе. Это был путь к гибели.

– Что ж... Надо будет прадеду спасибо сказать при случае, – Маэль улыбнулся уголками губ и сделал глоток вина. – Он нам значительно облегчил жизнь. Я даже не представляю, что бы мы делали, если бы наши отношения с Элеаном оказались в состоянии войны.

Скааль улыбнулся. Он с содроганием вспоминал то время, когда ему принесли весть о гибели брата, который не принял новую элеанскую королеву, занявшую место их матери, и винил Сантэль в смерти любимой матушки, пусть та и была невиновна. Брат считал новую королеву недостойной того, чтобы носить корону, которая ранее ежедневно ложилась на чело достойной королевы, чью жизнь оборвала шепотка страшного яда. Скааль помнил, как ясное небо над Эстрией затянули свинцовые тучи, не расходившиеся все то время, что король скорбел о погибшем сыне. Сириаль уехал в Мирэй, он не был рядом, но король эльфов знал, что его обожаемый сын где-то там среди людей и жив. Сообщение, что принес лимринг, лишило его надежды вернуть сына в Элеан когда-нибудь, ведь мертвые не возвращаются. Скааль помнил, как посерело лицо отца, когда он прочитал послание о гибели Сириалю в горах на границе с Тарэнтай. Никто не знал, кроме Скааля и гвардейца отца Мариалю Сдариль М'аарела, о том, что Кириаль Второй собирался забрать своих внуков – малолетних полукровок Эмрию и Сириля ан Вират Мирэселей в Элеан и воспитать их, как истинных членов королевской семьи. Он готов был пойти против кого угодно, чтобы дать внукам счастливую жизнь. Аминирах Вират смог убедить короля, что это не лучшая идея, что полукровкам лучше жить в импе-

рии людей, чем бороться за существование в королевском дворце Эстрии. Скааль все больше погружался в водоворот воспоминаний, рискуя утонуть в них. Лишь появление мирэйских лохатов, прибывших на совет к своему императору, не позволило ему рухнуть в воспоминания окончательно и захлебнуться в них.

– Ваше величество, – эти два слова заставили Скаалья вынырнуть из своих мыслей и внимательно посмотреть на вошедших.

Маэль поставил на стол кубок, на дне которого плескались остатки вина, и повернулся к вошедшим. Он едва не пролил его, когда кубок ударился о край столешницы. Император кивнул своим лохатам, предлагая им пройти внутрь и расположиться рядом со столом, на котором все еще была расстелена карта Тарэнты.

– У нас с вами одна главная на данный момент задача, господа, – начал говорить император. – Взять Саргу не затягивая этого на месяцы. Если мы увязнем в осаде это будет серьезной проблемой, которая может привести к гибели армий Мирэй и Элеана до того, как они смогут навязать войну Тарэнте.

– Войскам требуется отдых, ваше величество, – отозвался один из лохатов. – Иначе они упадут от усталости, так и не дойдя до Сарги. Тем более, если вы хотите атаковать с наскока.

– Отдых войска получают. С этого заката и на семь дней. Дождемся обоз, люди и лошади получают отдых. Мы никуда не двинемся, только разъездам разведчиков предстоит поработать. Я хочу, чтобы они разведали дорогу тут, тут и тут, – палец Маэля скользил по карте района, вырисовывая контуры едва заметных дорог. – Требуется разведать не только подходы, но и какие деревни есть в округе, сколько воинов они смогут отправить на защиту столицы, пути подвоза провизии и оружия, сколько кузниц в округе, которые могут ковать оружие, сколько кузнецов, которые могут выковать добротный меч, что не сломается от первого удара. Другими словами, мне требуется знать все, что может помешать нам захватить Саргу, а впоследствии и Сорсет.

– Вам потребуется магические разведчики, ваше величество, – Скааль, внимательно слушавший Маэля, вновь перешел на обращение согласно дворцовому этикету. – В нашем случае она гораздо эффективнее.

– Магическая разведка... звучит заманчиво, ваше высочество, – император кивнул наследному принцу эльфов. – Думаю она дополнит сведения, добытые обычными разведчиками.

– Я распорядюсь, чтобы магический корпус занялся этим вопросом. Ваши эльфы пусть поберегут силы.

– Буду вам благодарен, ваше высочество.

– Не стоит. Что еще, кроме разведки, нам следует сделать за эти семь дней, что мы будем отдыхать? – Скааль смотрел не на императора, а на лохатов.

Те какое-то время молчали, явно решая для себя, следует ли им отвечать на вопросы принца Элеана, который не был их повелителем, и они не могли понять, что им делать.

– В первую очередь разработать план захвата Сарги, обезопасить нас от разведчиков противника, ну и подготовить армию к атаке с ходу, – наконец, один из молодых командиров решил для себя эту проблему.

– Мы не можем разработать план захвата Сарги без сведений, которые добудет нам разведка, – покачал головой Скааль. – Нам следует знать точно, какие армии нам будут противостоять, ожидать ли удара в спину, каковы укрепления Сарги? Ну, и самое главное, смогут ли они справиться с нашими магами? Есть ли у Сарги магический щит? Маги – наше главное оружие в захвате столицы с ходу.

– Насколько я знаю, несколько лет назад Сарга была окружена деревянными стенами, которые можно было буквально перешагнуть, – лохат средних лет шагнул вперед и с почтительностью кивнул императору и принцу. – Возможно они построили крепостную стену за эти

годы, я не знаю. Еще Сарга кругом предместьями застроена, кругом одни фермы и небольшие поместья. Ну и главное, что жители Сарги относятся к жителям Саргоссы с особым презрением. Им запрещен въезд в столицу, если нет особого знака. Во всяком случае раньше было именно так. Те, кто живут на фермах и в поместьях не брезгают разбойничать на дорогах. Саргосса похожа на разбойничий притон. Да, вот это будет верное определение для Сарги – разбойничий притон.

Скааль с особым вниманием слушал слова лохата, казалось он впитывает и запоминает каждое слово, что произносил этот воин.

– Откуда вы столько знаете, лохат? – удивленно спросил Маэль.

– Я был вынужден жить в Саргоссе, ваше величество, – едва заметно улыбнулся тот. – Более того, я жил в самой Сарге, пока не понял, что это настоящее болото, в котором я рискую утонуть окончательно, если не вырвусь. У меня был выбор отправиться в Тарэнту или Мирэй, я решил, что в Мирэй у меня больше шансов на то, что я чего-то достигну и принесу пользу своей семье и империи, которой буду служить. А все потому, что мой отец однажды решил, что свободные разбойничьи нравы Саргоссы ему ближе и удобнее. Так он и погиб на одной из дорог от меча караванного охранника.

– Вас не смущает то, что мы собираемся завоевать ваш родной город, лохат? – император прищурился, внимательно глядя на лохата.

– Нет, ваше величество, – покачал тот головой. – Это не мой родной город, его однажды выбрал мой отец, пытаясь найти себя. Мне повезло, и я давно сбежал из этого болота. А после того, как мою мать убили за день до того, как я должен был вывезти ее из Сарги, меня ничто не связывает с этой клоакой. Я с удовольствием сожгу ее дотла.

– Убили? За что?

– Как бы вам объяснить, ваше величество... В Сарге есть, так называемый «Орден чистых», они убивают тех, кто приехал в Саргу, а после пытается сбежать из нее, не приняв стиля жизни и законов города. Тем более, если пытаются сбежать в Мирэй.

– Понятно, – задумчиво произнес Скааль. – У них патологическая ненависть к империи, которая может их сожрать, и при этом даже не подавиться.

Эльф усмехнулся, скривив губы.

– Нет, ваше высочество, – покачал головой лохат. – Мне кажется, что они ненавидят всех, считая, что боги несправедливы к ним, и они достойны большего. Ведь именно Саргосса должна была стать великой империей на Пандагирее, но Мирэй ее опередила. Они считают, что любой, кто связан с империей, подлежит уничтожению. Потому и пострадала моя матушка.

– Мне очень жаль, – голос Маэля был преувеличенно спокоен. – Значит проблем со стенами у нас не должно возникнуть. Я предлагаю их поджечь с помощью магии. Кроме того, мы можем устроить панику в предместьях, чтобы у их жителей не возникло желания идти на помощь Сарге. И раз это столь грязный город... пленных не брать, если они не сдаются. Тогда каждый будет подвергнут магическому допросу. Малейшее подозрение в мыслях о предательстве будет вести к смерти.

– Не слишком ли вы жестоки, ваше величество? – невольно хмыкнул Скааль.

– Вы предлагаете оставить у нас за спиной толпу предателей, привыкших грабить и убивать на дорогах, ваше высочество?

– В том есть свой резон. Я выделю магов, чтобы провести допросы.

– Это будет очень щедро с вашей стороны.

Скааль не ответил, а лишь улыбнулся.

– Что ж... – Маэль вздохнул. – Отдыхайте, господа. Следующий совет мы проведем после полной разведки всего, что прилегает к Сарге. Мне не нужны сюрпризы. Неожиданностей империи хватает.

Лохаты поклонились императору и принцу и исчезли в мгновение ока, словно боялись, что император передумает и отменит дни отдыха на бесконечный марш к Сарге. Маэль готов был поспорить, что все они отправились в командирский шатер, который будет сотрясаться до утра. Лохаты явно выпьют не один кувшин вина и проиграют пару месячных жалований в азартные игры. «Интересно, во что они теперь чаще играют? В кости?» – подумал император, задумчиво глядя в пустой кубок.

– Что-то ты слишком задумчив, Маэль, – озадаченно поинтересовался Скааль.

– Я сам не знаю. Только чувствую, что мне все чаще хочется убивать, – честно признался Маэль. – И чем дальше, тем чаще кровь застилает мне глаза. Я сам не понимаю, что со мной.

– Это странно, Маэль, очень странно. Надо посмотреть, что с тобой. Пусть маг прочитает твою душу.

– Пусть попробует. Мне самому интересно, чего опасаться в этой жизни, – хмыкнул Маэль. – Наверное, самого себя, но хочется подробностей. Вдруг я в какой-то неудачный момент наброшусь на своих офицеров и пойду их убивать особо жестоким способом. Так чтобы было побольше крови.

– Спокойно, Маэль. Давай лучше насладимся Черной кровью Дамии. Пусть это не прекрасное Лунное вино, но я отдаю должное его насыщенному вкусу, который возвращает радость жизни.

– Лунное вино хорошо для романтики, – усмехнулся император. – Черная кровь заставляет кровь бежать быстрее по жилам, согревает тело и душу.

– Как я и сказал, возвращает желание жить, в трудные моменты, когда руки опускаются.

Наследник эльфийского престола отсалютовал своему внучатому племяннику кубком. Полог шатра качнулся, пропуская внутрь Элера и облаченного в доспехи королевского гвардейца эльфа. Гвардейцы поклонились своим правителям. Лииталь Камий В'астер снял шлем и внимательно посмотрел на Скааля. Тот ответил ему вопросительным взглядом, пытаясь понять, что от него требуется капитану. Он уже хотел задать этот вопрос Лииталю, но Маэль опередил его.

– Вы вина захватили? Мы собираемся сегодня выпить и забыть обо всем, – усмехнулся император. – И вы предадитесь возлияниям вместе с нами. И возражения не принимаются. Нам нужна хорошая компания, потому что кругом тоска и плен.

– Ваше величество, вы пьяны? – удивился Элер, глядя на императора во все глаза.

– Пока трезв, но планирую изменить это в ближайшие несколько хор, – улыбнулся Маэль. – Знаешь, иногда хочется забыть о том, что ты правитель огромной империи, что тебе принадлежат жизни стольких людей, просто хочу вспомнить то время, когда мы ехали из Ариде в столицу.

– Когда Линарт еще был жив, – вздохнул командующий императорской гвардией. Его плечи опустились, словно на них лег непосильный груз смерти хорошего друга.

– Да, когда он еще был жив... Давайте выпьем за него. Линарт всегда любил выпить хорошего вина, и покутить с красивыми женщинами. Женщин нет, но вина у нас в достатке. Лииталь, не стесняйся, присаживайся и бери кубок, – Маэль подтолкнул к капитану королевской гвардии один из двух серебряных кубков, что стояли на столе.

– Только сначала я уберу карту, если вы позволите, – он явно чувствовал себя неудобно, и это почему-то веселило Маэля.

– Конечно. А пока, Элер, распорядись, чтобы нам принесли фрукты и пряного вяленого мяса. Говорят, оно хорошо идет к красному дамийскому, особенно к Черной крови.

– Слушаюсь, ваше величество, – гвардеец тут же исчез.

– И вот что с ним делать? Сегодня я не хочу слышать «ваше величество». Могу я хоть иногда вспомнить былые годы, дать себе слабину? Ведь больше у меня такой возможности не будет. Впереди меня ждет время власти и жизнь почти на виду, – вздохнул император.

– Знаешь, у меня никогда не было возможности жить свободно, так словно мне не светит корона, от меня не требуется готовиться к тому, что почти тысячу лет, я проведу на троне, правя страной заселенной высокомерными негодьями, которые верят в традиции и законы, установленные тысячи лет назад богами. Но сегодня, я тоже не хочу слышать «ваше высочество». Ты слышал меня, Лииталь? – Скааль внимательно посмотрел на капитана королевской гвардии.

– Как прикажете, ва... – Лииталь осекся, посмотрел на принца, сглотнул комок, внезапно вставший у него в горле, и выдавил из себя: – Ск... Скааль.

– Уже лучше, – усмехнулся принц, отсалютовав гвардейцу кубком.

– Не смотри на нас так, Лииталь. Поверь, иногда власть давит так, что хочется хоть с друзьями почувствовать себя обычным человеком.

– Ты не можешь быть простым человеком, Маэль, – тут же заявил Скааль.

– Да? И почему же? – император удивленно выгнул брови.

– Потому что твой прадед и дед эльфы, – хмыкнул в ответ наследник эльфийской короны. – Так что ты не можешь быть простым человеком. Ты простой полукровка.

– Ну, спасибо на добром слове, – нахмурился Маэль. – Я не думал, что ты столь плохо относишься к полукровкам. И более того, я не думал, что ты так назовешь меня, дедушка.

– Не надо меня так называть, – Скааль буквально подавился вином. – Даже если формально так и есть. Зови меня братом.

– Согласен. Если слово «полукровка» не будет звучать столь пренебрежительно из твоих уст.

– Вот и договорились, – Скааль вновь качнул кубок.

Лииталь чувствовал себя странно в этой семейной словесной дуэли. Ему казалось, что он совершенно лишний в этом шатре, и если бы мог, он покинул бы императора и принца, оставив их наедине с кувшинами вина, которые выстроились рядом с массивным столом, что стоял в центре императорского шатра. Наверное, потому он с какой-то особой надеждой посмотрел на Элера, что зашел в шатер во главе небольшой группы слуг, которые несли фрукты и мясо для императора и его эльфийского родственника. Лииталь посмотрел на количество еды и понял, что до утра он в свой шатер не попадет.

– Я все принес, – возвестил Элер, выгоняя слуг из временной императорской обители. – Вопрос в том хватит ли нам вина.

– Если его будет недостаточно, я прикажу принести еще. Нашего присутствия при установке лагеря не требуется, сведений от разведчиков раньше завтрашнего полудня ждать не следует, а значит я могу вспомнить свою беззаботную молодость и предаться беззаботному кутежу, – заявил Маэль.

– Ты говоришь так, словно ты глубокий старик, – усмехнулся в ответ Элер. – Сколько тебе лет, Маэль?

– Знаешь, иногда мне кажется, что мне уже тысяча, и я стар, как горы Хортат, – хмыкнул император, разливая вино по кубкам. – Потому я даже не знаю, как ответить на твой вопрос. Но я точно знаю, что постарел примерно на полвека с того момента, как надел корону. Знаешь, я был бы не прочь еще десяток лет побыть наследным принцем.

– Останься ты наследным принцем от империи не осталось бы ничего. Да, и тебе пришлось бы жить с навязанной тебе женой, – усмехнулся Элер.

– Вот давайте не будем о династических браках, – скривился Скааль.

– Если бы там был династический, – хмыкнул в ответ Элер. – Нашего императора женили на дочери рыбака. Ну хорошо, не совсем рыбака, но уже торговца, который смог пролезть в доверие к его величеству Маглору и вил из него веревки.

– Ну-ка расскажи об этом. Интересно, – Скааль даже подался вперед и облизнул от нетерпения губы.

– А что тут рассказывать, никто не знает, чем Дарьенал Воста смог завоевать доверие почившего императора, – командующий императорской гвардии пожал плечами. – Могу сказать только одно, его величество не интересовался государственными делами, их все решал Воста. И старый змей умел выбить из императора все, что ему требовалось. Лишь ее величество Эмрия могла сдержать Восту, когда он пытался получить от императора что-то сверх меры. Гибель его высочества Моранда, развязала негодяю руки. Он быстро избавился от ее величества и привел нас в пропасть. Ну почти. Нам повезло остановиться на краю.

– Существует история, что дед Дарьенала спас императора, когда тот рыбачил недалеко от Саматы. Мой предок оценил поступок рыбака и позволил поселиться в столице и открыть свою лавку. Торговля спасителя императора шла хорошо, и в скором времени он уже сколотил определенное состояние. Но как сам Воста проник в Имперский совет и смог стать фактическим правителем империи, этого я не понимаю. Впрочем, мой отец не отличался вниманием к сановникам, которых он допускал до власти. И он не умел выбирать друзей. Я слышал от матушки, что Воста втерся в доверие к отцу еще когда тот был наследным принцем и после его коронации буквально в тот же день захватил власть. Уж не знаю, чем он взял отца.

– Этого уже никто не скажет, – покачал головой Скааль. – Разве что, ты поймашь Восту живым и допросишь его с пристрастием.

– Я бы был не прочь его пытать в поисках ответа, – хмыкнул Элер, глядя в кубок. – И не уверен, что этот змей дожил бы до дня казни.

– За что ты его так не любишь, Элер? – наследник эльфийского престола внимательно посмотрел на императорского гвардейца.

– Я слишком много посмотрелся за тот год, что был командующим гвардией императора Маглора, – пожал тот в ответ плечами. – Но главное, что он приложил руку к несчастьям Кайи.

Никто не заметил, как вздрогнул Лииталь. Казалось, что его ударили, и удар был настолько сильным, что он с трудом смог устоять на ногах. За разговорами опустел третий кувшин, слова стали слетать с уст проще, смех становился все громче. Только Лииталь все еще хмурился, цедя вино, словно то отдавало уксусом.

– Лииталь, к чему такая кислая физиономия? Я при каждом взгляде на тебя того и гляди поперхнусь, – воскликнул Скааль, в очередной раз наполняя свой кубок дорогим красным дамийским вином, что звалось Черной кровью.

– Я чувствую себя виноватым, – тихим, сокрушенным голосом ответил тот.

– И в чем же твоя вина?

– Я упустил мину Кайю, – вздохнул Лииталь. – Я до сих пор себя корю в том.

– Не переживай ты так, – хмыкнул Элер, хлопнув эльфа по плечу. – Если моей сестре что-то взбрело в голову, ее ничто не остановит. Она поступила бы так же, даже если бы ты замуровал ту калитку. Но я до сих пор не понимаю, зачем ее делать в приграничной крепости. Это же приглашение для врагов, мол, приходите к нам, у нас тут и дверь для вас припасена.

– Это вопрос к строителям замка. Насколько знаю эти крепости строил не Лоэналь, – Маэль качнул кубок, наблюдая за тем, как вино колышется в нем.

– Младший Аминирах Вират не допустил бы такой ошибки, – согласно кивнул Скааль. – Но мы ушли от темы. Что ты там сказал о Кайе, Элер?

– Об императрице Кайе, – поправил его Маэль.

– А что говорить? – Элер не обратил внимания на слова императора. – Кайя упряма как... я даже не могу подобрать сравнения. Она способна переупрямить кого угодно. Так что шансов у тебя не было бы.

– Ты очень любишь свою сестру, – Лииталь натянуто улыбнулся.

– Конечно. А потому... Давайте выпьем до дна за здоровье императрицы Кайи. И отказы не принимаются, – заявил Элер, разливая вино по кубкам.

– Не только императрицы, но и принцессы Элеана, одной из немногих признанных моим венценосным отцом, – поднял уже полный кубок Скааль.

– Что ж... – Лииталь принял свой кубок из рук Элера. – Раз вы так настаиваете, я напьюсь вместе с вами. За принцессу Инитэль, ставшую императрицей Кайей.

Ответом ему послужил довольный рев собутыльников и звон сдвинутых кубков. Ночная тьма не заглушила веселье, царящее в императорском шатре. Мужчины решили отдохнуть от напряжения, которое наполняло их души с того момента, как мирэйская армия перешла через границу Тарэнты и направилась на юг, в сторону Саргоссы. Они шли по следам отряда наследного принца Тарэнты, который направлялся в столицу по странному пути. Никто не мог понять его планов, но это помогло им в каком-то смысле. У них появился шанс обезопасить свои тылы от внезапного удара в спину. Тогда столица Тарэнты станет легкой добычей для их мощной армии, которая смогла вынести захватчиков со своих территорий. Много ли осталось боеспособных подразделений у тарэнтйцев? К сожалению, этого мирэйцы не знали, а потому следовало непременно обезопасить свою спину.

Вино постепенно исчезало. Император, принц и двое гвардейцев все чаще сдвигали кубки, сопровождая это громкими возгласами. Количество выпитого, постепенно заставляло их смеяться, весело обсуждая все, что только можно. В какой-то момент, Элер обвел компанию пьяным взглядом и заговорщицки произнес:

– А вы слышали легенду о трех пропавших лохосах?

Его свистящий шепот заставил троих собутыльников податься вперед.

– Что за легенда? Почему я не слышал о ней? – поинтересовался Маэль, стараясь сфокусировать взгляд на Элере.

Телохранитель императора, камбриец Лун, вздохнул, возведя глаза к тканевому своду шатра. Начало не сулило ему ничего хорошего. Он приготовился слушать, а заодно размышлял, что от него потребует легенда, рассказанная зловещим шепотом.

– Давно это было. Лет сто назад, – продолжал меж тем Элер. – На границу с Тарэнттой были отправлены три лохоса, которым предстояло усмирить местные племена, попившие немало крови Мирэй. Император Миалл считал, что трех лохосов будет достаточно для того, чтобы дикари покорились и прекратили причинять вред империи. Приказ есть приказ и лохосы отправились в поход. Когда они прибыли к месту назначения, где-то в этих краях, началось странное. Стали пропадать люди. То один пропадет, то другой.

– Может они просто напивались и сворачивали себе шею, где-то на берегах ручейка? – фыркнул Скааль, делая большой глоток вина.

– Разумно, но не в случае трех лохосов, – покачал головой Элер. – Так вот. Люди начали пропадать. И пропадали несколько дней, пока лохосы стояли лагерем посреди леса. Командующий этим походом усилил охранение, поставив двойные посты, но это не помогло. Ночью на лес опустился густой туман. Такой, что дозорные не могли видеть своих пальцев, вытягивая руки вперед. Представьте: темнота и туман. Дозорные буквально ослепли. А потом пришли тени...

– Тени? – голос Маэля звучал одновременно удивленно и заинтересованно.

Трое слушателей сидели подавшись вперед и внимали истории с особым напряжением и интересом.

– Да, тени, – кивнул Элер. – Они появились ниоткуда, и исчезли в никуда. После того, как они исчезли лагерь остался совершенно пуст. Не было ни единой души. Утром солнце осветило пустые палатки и шатры.

– Погоди, то есть все три лохоса исчезли в тумане? – спросил Скааль.

– Именно. Бесследно исчезли. И никто не знает куда. Лишь рассказывают, что их съел тот жуткий туман, а по округе теперь бродят их призраки, которые клянут свою злую судьбу.

– Так не бывает, – пробормотал Лииталь.

– Почему нет? В этом мире много того, что не может быть, но оно есть, – изрек Маэль, поднимая вверх указательный палец.

– Ой ли, – хмыкнул Скааль. – Обычная история, чтобы пугать новобранцев.

– Не скажи, – не согласился Элер. – Об этой истории мало кто знает, потому что ее не позволяют рассказывать.

– Все верно, – кивнул Маэль. – Я ее никогда не слышал.

– Предлагаю нам отправиться на охоту! – весело заявил Скааль.

– На охоту? – удивленно выгнул бровь Маэль.

– Да! Пойдем охотиться на пропавшие лохосы! – пояснил принц. – Заодно узнаем правда или нет.

– И как ты предлагаешь на них охотиться? – улыбнулся Маэль.

– Придумаем.

Больше объяснений у него не требовали. Вооружившись факелами, хихикая и перешептываясь, они вышли из шатра. Прохладная тарэнтийская ночь окутала их тонким покрывалом, на котором искрился свет Селеры и окружающих ее звезд. Серпий еще не поднялся над горизонтом, а значит, время еще не достигло полуночи. Охотники крались по лагерю, пересмеиваясь. За ними осторожно скользил Лун, не привлекая к себе внимания, но умудряясь подавать сигналы дозорным, что встречались ему на пути, чтобы те не глазели на императора и принца. Дозорные понимающе отворачивались, стараясь не смотреть на крадущихся вдоль палаток императора, принца и двух гвардейцев. Те же медленно шли вперед, размахивая факелами, хотя в лагере все было залито светом, отбрасываемым кострами, факелами и специальными жаровнями, выставленными на больших полянах перед палатками и шатрами. Четверо охотников на призраков не обращали на это внимания.

– Ты видел кого-нибудь? – зловещим шепотом спросил Скааль.

– Пока нет, – отозвался Маэль.

Лун вздохнул, когда четверка, пригибаясь к земле, направилась к выходу из лагеря. Двое стражников заступили было им дорогу, но, завидев императора, в нерешительности замерли. Лун жестами показал им, чтобы убирались с дороги, и стражники послушались. Охотники медленно двинулись в лес.

– Мне кажется, я что-то видел! – вскричал Лииталь, указывая куда-то вдаль за деревья.

– Где? Где? – хором спросили Маэль, Скааль и Элер.

– Там! Дальше, за деревьями!

С этими словами Лииталь ринулся вперед, ловя только ему ведомого призрака. Его шатало, опьяневший мозг не позволял телу держаться прямо. Капитан эльфийской гвардии несколько раз врезался в деревья, пока не упал на землю, под ноги своим товарищам. Лун вздохнул, когда увидел все это. Он понимал, что ночь предстоит веселая. Событьельники носились по лесу, то и дело рискуя разбежаться в разные стороны, но всякий раз собирались вместе, к вящей радости Луна. История с пропавшими лохосами обрастала новыми подробностями.

– Элер, ты наступил мне на ногу! – раздался в ночи возглас Маэля.

– Это не я, – возмутился командующий императорской гвардией. – У меня не столь длинные ноги и шаг. Я в нескольких пассах от тебя, Маэль.

– Лииталь, это ты наступил мне на ногу?

– Как я мог? Нас разделяет поляна!

– Тогда кто? Скааль вообще на дерево полез, не пойму зачем?

– Я ловлю призрак лохата, – отозвался эльфийский принц. – А тебя обидела коряга. Кому в голову пришла светлая мысль избавиться от факелов?

– Тебе, – хором ответили остальные.

– Да, глупая была идея. Предлагаю возвращаться, ибо без факелов мы никого не поймем. Осталось мне только слезть с этого проклятого дерева.

Раздались звуки ломающихся веток, на землю полетели ветки и листья, вслед за которыми вниз спустился и сам Скааль, больше похожий на лесного монстра. В волосах у него запутались мелкие веточки, листья покрывали его изрядно помявшиеся рукава. Наследный принц Элеана отряхнулся и, как ему казалось, прямой и твердой походкой направился в сторону лагеря.

Маэль был счастлив в первый раз с того момента, как Кайе пришлось его оставить. Вино дарило легкость во всем теле и в разуме. Он не задумывался о проблемах империи, не искал варианты их решения, не злился на весь свет. Он просто наслаждался веселой охотой на призраков потерянных легионов. В лагерь они вернулись через три хоры, уставшие, но довольные. Элер утверждал, что ему удалось дотронуться до призрака лохата. Друзья ему не верили, требуя неоспоримых доказательств, которых у командующего имперской гвардией не было. Они спорили до хрипоты, пока Скааль не бахнул по столу ладонью и заявил:

– Прекратите спорить! Давайте лучше выпьем за пропавшие лохосы, чтобы им во владениях Хессель было спокойно!

– Они во владениях Ула, – поправил его Элер.

– Неважно, Ул или Хессель. Давайте выпьем за лохосы!

Они вновь сдвинули кубки, вино заплескалось в них, переливаясь из одного в другой. Лун, наконец, выдохнул. Безумная ночь, похоже, заканчивалась, и ему можно было не беспокоиться, что его величество Маэль Первый отправится на поиски еще каких-нибудь приключений. Лун устал. Он хотел спать.

Глава четвертая

*Четвертый месяц лета стилтар. Третий день месяца.
144 год от рождения империи*

Кириаль Второй, милостью богов и по праву рождения король Элеана, скучал. На столу эльфийского королевства медленно опускалась ночь, занимая освобождаемые отступающим днем позиции, отражаясь в гаснущем свете вечерней зари. Тени удлинялись, становились резче и глубже. Улицы шумного города освещались магическими светильниками. Шум водопада успокаивал душу, наполняя ее легкостью, но это была лишь иллюзия, которая легко разбивалась о камни никогда не оставлявших его в последнее время тревог. Кириаль смотрел на то, как свет гаснет в небесах, как темнота заполняет улицы Эстрии, как загораются уличные фонари, которые пытались разогнать темноту магическим светом, заключенным в плен полированного горного хрусталя, как спешащих по делам эльфов сменяют влюбленные парочки, празднично гуляющие по ночным улицам. По стенам домов заплясали радужные пятна, придавая им странные и удивительные очертания. Казалось, что Эстрия превращается в какой-то загадочный, легендарный город. Мосты, ведущие к королевскому дворцу, тонули в крошечной тьме, отчего казалось, что дворец высится на острове, на который невозможно попасть, словно неприступная крепость. Впрочем, Кириаль нравилась эта иллюзия, созданная ночью. Последние события, происходившие в Элеане, заставляли его задумываться о том, чтобы выстроить крепостную стену вокруг дворца, отделиться от всего мира, чтобы ни один мятежник, возжелавший эльфийской короны, не смог попасть в королевскую резиденцию, разве что предприняв самоубийственный штурм. Но Кириаль понимал, что это лишь страхи, которые закрались в его душу, и от которых следует избавиться и как можно скорее.

Но это у короля не получалось, словно кто-то очень могущественный удерживал его от этого. Ему казалось, что удавка затягивается вокруг его трона, а все усилия, что он предпринял, дабы загасить тлеющий мятеж, всего лишь бесплодные попытки затушить огромный костер из небольшого кубка. Но Кириаль привычно тряхнул головой, отгоняя пораженческие мысли, что все чаще захватывали его разум, заставляя сомневаться в своих силах. Король с силой ударил по мраморным перилам, словно пытался уничтожить всех тех, кто угрожал его власти в Элеане. Он мысленно проклинал всех: жрецов, заставивших его жениться на Сантэль Гимер Вистар, саму низложенную королеву, ее семейство, поддерживавшие их аристократические семьи, жаждавшие залезть в круг старших семейств. Его тревожило и то, что в борьбу за власть вступили жрецы, пытаясь влиять на эльфийскую знать, манипулировать ей, а порой управлять и самим королем. Глава Магического корпуса Акрималь сообщал о том, что больше всех усилий к поиску ложного артефакта прикладывают жрицы Гласэли. Кириаль не понимал, зачем жрицам богини охоты власть в Элеане. Они без того имели большое влияние в королевстве и могли вершить судьбы эльфов почти так же, как и он, Кириаль. Но жрицам этого было мало, и они зачем-то включились в погоню за артефактом, который в распространенной легенде дарует полную власть над сердцами и душами всех живущих в мире существ.

Кириаль с нетерпением ожидал сообщений от своего второго сына, которого он назначил Охотником за богами. Лимиаль уже должен был прислать лимринга со сведениями о жрецах Суртэля. Они стали бы самыми опасными в Элеане, если бы включились в войну, совершенно неважно на какой из сторон. Они залили бы весь Элеан кровью. Кириаль опасался, что жрецы посмели восстать против короны. Не было воинов лучше жрецов Суртэля, и король не хотел бы видеть их среди противников своей власти ни при каких обстоятельствах.

Ночная тьма неотвратимо наступала на Эстрию, не обращая внимания на мысли Кириалья. Ничто не могло отменить смену дня и ночи. Мосты, ведущие к королевскому острову,

постепенно исчезали в шуме падающей вниз воды и темном покрывале ночи. В какой-то миг королю эльфов показалось, что нет ничего, что соединяет королевский остров с остальной частью Элеана, словно остров плывет в неведомой пустоте, которую заполняет только шум падающей воды и мелкие водные брызги, что висят в воздухе. Лишь изредка по мосту проезжали гвардейцы с факелами в руках, освещая великолепные статуи древних эльфийских королей, замершие по обеим сторонам. Все это создавало ощущение чего-то нереального, происходящего где-то в другом мире, а не здесь, в Селеране.

– Ваше величество, – голос капитана королевской гвардии Мариалья Сдариль М'аарела, прозвучавший словно гром среди ясного неба, заставил короля вздрогнуть всем телом и обернуться.

– Мариаль, ты похож на призрака! – воскликнул Кириаль. – И меня это пугает. Довольно сильно пугает.

– Прошу прощения, ваше величество. Моя вина. Я не хотел доставить вам неудобство своим появлением, – гвардеец склонился перед своим повелителем.

– Ничего. Не переживай об этом. Что у тебя? – король вновь отвернулся и посмотрел на небо, на котором уже высыпали яркие крапинки звезд, переливавшиеся от молочно-белого до серебряного. Ночь вступила в свои права.

– Лимринг. От его высочества. Прибыл только что.

– От кого из моих сыновей?

– Простите, ваше величество?

– От кого из принцев прибыл лимринг? Если я правильно помню мы ждем вестей от двух из моих сыновей.

– Простите, ваше величество. Я не сразу вас понял. От его высочества Лимиалья, Охотника за богами, конечно же. Его высочество наследный принц Скааль давно не присылал вестей, увлекшись войной.

– Скааль любит воевать, – улыбнулся Кириаль. – Особенно за правое дело. Что в послании?

– Я его не читал, ваше величество. Ибо не смею читать письма, адресованные вам. Потому не знаю, о чем оно.

– Зачитай. У меня нет тайн от тебя.

– Слушаюсь, ваше величество.

– Тогда приступай.

Мариаль вздохнул, и развернул свиток, который буквально полхоры назад принес жутко злой лимринг, готовый укусить кого угодно, кто протянет руки к его грузу. Они потратили четверть хоры на то, чтобы справиться с посланником. Капитан королевской гвардии даже подумал о том, что же так разозлило магическую птицу, что она столь рьяно бросалась на адресатов, но тут же тряхнул головой отгоняя лишние мысли.

«Спешу сообщить вам, венценосный отец, что жрецы бога войны Суртэля верны своему долгу и не планируют включаться как в погоню за артефактом, так и в борьбу за власть в королевстве в попытке посадить на трон своего ставленника. Это гарантировано правилами этого ордена, а также иными обстоятельствами, о коих я не могу рассказать в сем послании. Я не могу доверить их бумаге, но непременно сообщу их вам, венценосный отец, по моем возвращении. Отправляюсь нынче во владения жриц Гласэли. Проверю, что они задумали».

– И все? – король приготовился слушать длинный доклад о приключениях сына в обители Суртэля и его разговоре с верховным жрецом, но письмо сына оказалось больше похожим на отписку, которую тот нацарапал на скорую руку. Потому что ему надо это сделать, а желания нет. Так ведут себя дети, на скучных уроках.

– Да, ваше величество. Его высочество сообщил лишь, что нам не следует опасаться жрецов Суртэля. Те связаны своими клятвами и...

– Я это слышал, меня интересует, написал ли мой сын еще что-то?

– Нет, ваше величество. Это все, что тут сказано.

– Лимиаль совсем не желает отчитываться о своем путешествии. Словно он не жрецов проверяет, а с девицами на охоту отправился, а я его отвлекаю от утех, – покачал головой король. – Что ж, меня радуют вести, которые сообщил принц Лимиаль. Пусть и столь скупыми словами. Я надеюсь, что жреческие ордена других богов окажутся столь же мудры. Но о том мы узнаем, когда Охотник за богами доберется до главного храма Гласэли. Нам тоже следует предпринять кое-какие действия. Необходимо оказать Лимиалю поддержку и показать жрецам, что боги на моей стороне. Пусть и не все.

– Что вы имеете в виду, ваше величество? – Мариаль невольно напрягся. – Мне следует что-то сделать?

– Завтра мы отправимся в храм Бога Отца и примем участие в служении ему. Пройдем через все ритуалы, принесем ему жертву. Мои подданные должны видеть, что я не только принимаю участие в лунной охоте, но и служу тому, кто благословил меня короной.

– Слушаюсь, ваше величество. Я подготовлю вашу свиту. Возьмем малую. Двадцать гвардейцев, пять придворных дам и пять воинов королевства...

– Нет, Мариаль. Не надо. Как и требует Бог Отец мы отправимся в храм вдвоем, чтобы показать всем, что мы не кичимся титулами, властью и богатством. Мы пойдем на встречу в верховным богом. Ты пойдешь со мной, только потому что я не могу отправиться в храм один. Иначе я давно сделал бы это.

– Я вас понял, ваше величество.

Мариаль незаметно для короля потер виски. Утром ему прибавится головной боли. Король в сопровождении одного гвардейца был слишком лакомой добычей для мятежников, чьи агенты все еще прятались в Эстрии и то и дело наносили неприятные и болезненные уколы: грабили оружейные магазины, убивали городскую стражу, поджигали склады.

– Что-нибудь еще, Мариаль? – Кириаль обернулся к гвардейцу и посмотрел на него внимательным взглядом.

– Нет, ваше величество. Больше новостей у меня нет.

– Есть какие-либо вести от Аминирах Вирата? Меня несколько тревожит, что мы так и не поймали Сантэль и ее брата. Эти двое сводят меня с ума. Скоро буду нападать на каждого, кто произнесет ее имя.

– Аминирах Вират не связывался со мной, ваше величество. Насколько я знаю он сейчас прочесывает Элеан в поисках мятежников. Но велика вероятность, что всех мы все же не сможем поймать.

– Почему так? У вас есть все, что только может предоставить королевство. Этого вполне достаточно для того, чтобы искоренить даже мятежные мысли младших родов.

– Сантэль низложенная королева Элеана, – Мариаль едва сдержался, чтобы не улыбнуться, когда король скривился, услышав эту официальную фразу. – И у нее осталось много сторонников. Аминирах Вират потерял ее и ее брата после того, как они бежали из родового замка. Никто не знает, куда они направились, хотя есть слухи, что в Дахрат.

– Если в Дахрат, тогда это действительно очень плохо. Из Дахрата не выдают никого, какие бы преступления ни совершил этот эльф. Любой ступивший на земли города мертвых считается пришедшим принять участие в ритуале умиротворения мертвых и в ритуале жертвоприношения Хессель, великой богине, правящей Дахратом. Их порыв считается благородным и даже Миргистлин не отдаст Сантэль.

– Аминирах Вират устроил несколько засад недалеко от входа в город и, если Сантэль Гимер Вистар и ее брат покинут пределы Дахрата, где они все же не смогут остаться навечно, он сможет их поймать. Кроме того, там расставлены магические ловушки, которые сработают только на кровь Гимер Вистаров.

– Это он правильно сделал. Думаю, что следует натянуть там и магические сети, чтобы наши мотыльки в них запутались и не смогли вырваться, даже если обойдут Аминирах Вирата и все ловушки. Следует донести до Аминирах Вирата, что эти двое мятежников нужны мне живыми. Их следует казнить в назидание другим. Отправь к нему несколько магов, чтобы опутали все в округе.

– Ваше величество, позвольте сказать, – Мариаль привычно потер переносицу.

– Говори, – Кириаль безотчетно погладил перила террасы, выходявшей в сторону водопада.

Когда в небе светило солнце здесь часто можно было увидеть яркие радуги, что очень любили фаворитки короля. Они весело щебетали, наслаждаясь вином и красочными арками в небе. Очень редко возникали здесь и лунные радуги, увидеть которые считалось большой удачей. Кириаль пока не видел ни одной.

– Я хотел посоветовать вам не казнить Гимер Вистаров.

– Почему же? – эльфийский король повернулся к своему гвардейцу и внимательно посмотрел на него, прищурившись.

– Если вы казните их, они могут доставить нам немало хлопот. Они станут жертвами жестокого короля, которых тот безжалостно обезглавил, испугавшись за свой трон. Их поднимут на знамена последователи, которые считают, что Скайтэрали засиделись на троне, а старшим родам пора подвинуться. И однажды они придут мстить вам за этих двоих. Мне кажется, что их следует заточить в какой-нибудь башне, я бы даже предложил замуровать, оставив им лишь окошко для получения еды. Это будет куда более страшным наказанием, чем обычная смерть.

– Я и не знал, что ты столь жесток, Мариаль, – криво улыбнулся Кириаль.

– Я не жесток, ваше величество, я справедлив и разумен. Во всяком случае, я на это надеюсь.

Король Элеана рассмеялся и хлопнул гвардейца по плечу, вызвав у того приступ безмерного удивления. Обычно Кириаль не позволял себе таких вольностей со своими подданными, предпочитая сохранять отрешенную, ледяную маску на своем лице. Видимо, Мариаль сам того не подозревая помог ему разрешить непростую задачу, о которой никто не догадывался. Король не желал убивать свою бывшую жену, ведь годы, что он прожил с ней никуда не делись, и какая-никакая привязанность к супруге у монарха образовалась, но он не мог и оставить безнаказанным ее поступок.

– Думаю, что именно так мы и поступим, Мариаль. Твое решение мне кажется наиболее правильным. Замуровать в башне и пусть сожрут там друг друга от безысходности. Осталось сделать столь малое – поймать эту парочку, которая осмелилась бросить вызов короне, и взбаламутить все королевство. Хаос вреден для него, а они посмели его устроить, – заключил Кириаль. – И сделать это надо как можно быстрее.

– Я понял вас, ваше величество. Какие еще будут приказания?

– А теперь, оставь меня до рассвета. Я намерен провести это время с пользой, – король с улыбкой смотрел куда-то за спину гвардейца.

Мариаль обернулся и мысленно вздохнул. Это была очередная фаворитка короля. Капитан королевской гвардии на мгновение задумался о том, что он не различает женщин своего правителя, они все были на одно лицо, мало чем отличаясь друг от друга. Порой ему казалось, что они одеваются в одеяния своих предшественниц, которые покинули постель Кириаля и растворились где-то в предрассветных туманах, словно их никогда и не существовало. Все фаворитки короля носили платья идентичных фасонов, однотипные прически и одинаковые украшения, словно пытались слиться со своими предшественницами и ничем не выделяться на их фоне, и потому Мариаль не понимал, в чем их различие. Он даже не запомил

нал их имена, все равно через два-три месяца появится новая игрушка. Король не искал что-то новое, он привычно брал на свое ложе бездушных мраморных кукол, которые отличались от статуй, украшавших дворец и парки лишь тем, что они были теплыми на ощупь. Капитан королевской гвардии едва слышно вздохнул, поклонился королю и пошел прочь, оставив его наслаждаться романтическим вечером с новой возлюбленной. Мариаль проигнорировал приветственный кивок дамы, чьего имени он не помнил. Он окинул ее оценивающим взглядом и невольно сравнил со своей давней любовью – полукровкой Театлин Аминирах Вират. И сравнение было явно не в пользу королевской любовницы. Мариаль мечтательно улыбнулся, вспоминая красоту и жгучий нрав своей возлюбленной. Осталось совсем немного, и он сможет повести возлюбленную Театлин к жрецу, чтобы тот провел ритуал сплетения судеб, что соединит их в браке до последнего вздоха в этой жизни и даже после смерти. Еще совсем немного, и его ничто не удержит на пути к столь вожделенному счастью. С этими мыслями Мариаль провалился в радужные мечтания до самого рассвета.

Проснулся он резко, словно кто-то с силой пихнул его в бок. Что, впрочем, оказалось правдой. Стоило Мариалю открыть глаза, прикрыв их ладонью от яркого солнечного света, бывшего в окна, как его взгляд натолкнулся на Кириалья. Капитан королевской гвардии специально выбрал покои, выходящие окнами на восток. Поднимаясь над границей небес и земли, дневное светило вбивалось своими лучами в лицо Мариалья, заставляя открыть глаза и отправиться проверять посты, готовиться к пробуждению Кириалья и очередному беспокойному дню. Но в этот раз король сам оседлал стул в спальне Мариалья, положив руки на высокую резную спинку, и глядя на своего гвардейца.

– Долго спишь, Мариаль! Очень долго, – с ехидной ухмылкой заявил Кириаль. – Поднимайся. У нас всего хора, чтобы добраться до храма Бога-Отца и успеть на молитвенный ритуал.

– Простите, ваше величество. Я буду готов через четверть хоры. Сейчас только прикажу, чтобы приготовили лошадей, – капитан королевской гвардии поспешно скатился с другого края кровати.

– Оставь. Я уже распорядился. Собирайся и побыстрее, – отмахнулся Кириаль, поднимаясь и направляясь к окну. – Я не хочу опоздать к началу ритуала.

– Как прикажете, ваше величество.

Мариаль поспешно натягивал на себя одеяния, приготовленные еще с вечера, путаясь в рукавах, в которые он пытался просунуть руки, буквально бегая по комнате. Он не ожидал, что король пренебрежет всеми правилами, которые были установлены во дворце еще во времена первого короля Элеана, а также позабудет о королевском этикете. Кириаль должен был прислать слугу и приказать Мариалю явиться к нему уже в полном облачении в его рабочую комнату, а не самому являться в покои гвардейца. Королевская семья Элеана считалась потомками старших богов и потому могла творить на Селеране все, что пожелает. Именно поэтому Мариалья до сих пор удивляли представители младшего рода эльфийской знати Гимер Вистаров, которые посмели восстать против правления Скайтералей. Оно длилось с незапамятных времен, с тех самых пор, когда Бог-Отец создал королевство эльфов и посадил на трон своего сына от смертной эльфийки, которому и надлежало основать великую династию. Было это еще на заре возникновения Элина.

– Я готов следовать за вами, ваше величество, куда прикажете, – завершив облачаться в легкие доспехи, произнес Мариаль.

– Тогда поспешим. Я не хочу пробиваться через толпу подданных, расталкивая их локтями, – кивнул Кириаль.

Он быстрым шагом направился к двери, даже не взглянув на Мариалья, уверенный, что тот не просто идет следом, но и поспевает за ним. Король торопился. Со стороны выглядело так, словно он, и правда, боится опоздать на служение верховному богу эльфийского пантеона. Сам Мариаль уже давно не возносил молитв богам, не приносил им жертвы, в том числе и через

жрецов. Он на миг задумался об этом, решив для себя, что пора начинать задабривать богов, чтобы иметь возможность привести пред их очи Театлин и назвать ее своей супругой, связав их судьбы в одну. Это была его мечта еще с того момента, как он встретил эту полукровку в замке Аминирах Вирата, и лишь недавно она обрела шанс стать явью. Призрачный шанс, но он был рад и этому. Мариаль нисколько не волновали заявления Самаля Контирэй Магата, который объявил о своем скором браке с Театлин анэ Вират Мирэсэль. Мариаль был уверен, что Театлин придумает, как избавиться от этого молодого идиота, возомнившего себя равным Мариалю настолько, что посмел претендовать на ее судьбу рядом с ним.

Эстрия просыпалась. Медленно и неохотно. Первыми от ночного сна очнулись пекари, и даже сквозь водяную пыль, окружавшую мост ведущий от королевского дворца в самую столицу, ощущался аромат свежееиспеченного хлеба. Он окутывал двух спешащих в лучах рассветного солнца всадников, напоминая им, что они пренебрегли завтраком, стараясь успеть к назначенному времени молебного ритуала Бога-Отца. Рот тут же наполнился слюнями, а в животе предательски заурчало. Мариаль пообещал себе купить хотя бы булочку у первого же пекаря, что попадется им на пути в храм, ведь будет очень по-дикарски, если ритуал поклонения Богу-Отцу перебьет громкое и настойчивое урчание его желудка. И еще большим позором станет этот звук, если его издаст желудок монарха.

Провожаемые сонными взглядами гвардейцев, которые сохраняли вертикальное положение, только благодаря своим копьям, они пересекли мост и въехали в еще спящий город. Лишь редкие ранние птички торопились куда-то по пустынным улочкам, да прислуга в богатых домах спешила сделать все приготовления до того, как проснутся хозяева. Лавочники тоже не дремали, готовя свои лавки к открытию. Эстрия медленно просыпалась, избавляясь от ночной неги и подставляя мрамор своих стен золотому жару солнечных лучей. Мариаль придержал своего жеребца, преградив путь слуге одного из низших аристократов, у которого даже не было титула, о чем буквально кричал значок, вышитый на его рубашке. Парень нес куда-то целый лоток ароматных сдобных булочек с маком и орехами.

– Я заберу у тебя две булки, – голосом, не терпящим возражений, заявил королевский гвардеец.

– Простите, но я несу их своему хозяину. Он любит свежую выпечку к завтраку, – тем не менее возразил слуга. – И я не вправе разбазаривать его завтрак.

– Настолько, что он готов отказать королю?! – усмехнулся Мариаль в ответ. – Посмотрим сколь долго он сможет наслаждаться этими свежими булочками впредь.

Глаза слуги распахнулись, и он бухнулся на одно колено перед Кириалем. Спорная выпечка полетела бы на мостовую, если бы не Мариаль, успевший подхватить лоток прежде, чем он упал на камни. Он взял две булочки, как и говорил. Одну себе, другую Кириалю. Король милостиво разрешил парню подняться, а гвардеец тут же протянул ему лоток.

– Держи монеты за булочки, – сказал Мариаль, бросая золото на лоток.

– Я не могу... – промямлил слуга.

– Все ты можешь. Бери и не отказывайся.

С этими словами Мариаль толкнул жеребца шенкелями и заставил подойти к лошади короля. Он протянул его величеству свою добычу, и всадники продолжили свой путь по пустынным улицам Эстрии, жуя ароматные и вкусные булочки, которые спасут их от неминуемого позора в храме.

– Вкусные булки, кстати говоря, – заявил Кириаль, с наслаждением закрывая глаза.

– Неплохие, – Мариаль вынужден был согласиться. – Но дворцовый пекарь делает лучше.

– Это ты специально так сказал, чтобы меня не обидеть.

– Вы правы, ваше величество. Я не откажусь попробовать их вновь.

Он не был уверен в том, что именно заставляет его думать о великолепии вкуса этих булочек. Буквально тающее во рту тесто и приятно хрустящие на зубах орешки или все же голод

и отсутствие завтрака? Мариаль никак не мог определиться, но был вынужден согласиться с королем, вкус у выпечки был отменный.

– Напомни мне выяснить, кто их печет, чтобы перевести его во дворец. Будет печь хлеб и булочки для королевского двора, – тем временем распорядился Кириаль. – Негоже такому таланту прозябать уличной торговлей.

– Да, ваше величество. Я непременно это выясню. Только я сомневаюсь, что ваши подданные обрадуются этому, – губы Мариалья дрогнули и растянулись в улыбке. – Вы лишите их возможности наслаждаться вкусными, свежими булочками к завтраку.

– Ты мне поверишь, Мариаль, если я отвечу, что это последнее, о чем я тревожусь?

– Конечно, поверю. Главное, чтобы они не устроили бунт по этому поводу.

– И то верно, – рассмеялся Кириаль.

Главный храм верховного божества эльфов, которого называли Богом-Отцом, возвышался над Эстрией, вознося свои ажурные шпили к прозрачно-голубому небу. Это был единственный главный храм, который располагался в столице эльфийского королевства, остальные боги довольствовались небольшими алтарями, у которых эльфы возносили им молитвы. Редкие белые облака, похожие на взбитые сливки, цеплялись за них на какое-то время, прежде чем плыть дальше. Сине-белый храм был возведен из темно-синего и молочно-белого мрамора высокого качества, который буквально сиял в лучах солнца, заставляя прищуриваться. Его стены украшали невероятно красивые барельефы, изображавшие жизнь богов, как представляли ее жрицы. Углы, колонны и арки оплетала цветочная резьба, сверкавшая серебром. Вход охраняли две статуи тяжелооруженных воинов, чьи непомерно длинные мечи скрещивались над головами каждого входящего в храм ради молитвы. Эти клинки должны были напоминать молящимся об их смертном существовании, дать ощутить величие и силу Бога-Отца.

Кириаль и его гвардеец вошли в храм, попав с залитых солнцем столичных улиц в полутьму, что царил там. Они на мгновение ослепли, привыкая к отсутствию солнца. Хоть оба не раз видели бронзовую статую Бога-Отца, что высилась над ажурным алтарем, но каждый раз, переступая порог храма, они вздрагивали. Огромный бог простирали руки, словно указывая на каждого грешника, что осмеливался войти в его храм, чтобы замолить свои проступки. Душа тут же холодела, а по спине пробегали мурашки, хоть эльфам и не было ведомо понятия греха.

– Ваше величество? – удивлению верховного жреца не было предела.

Король не часто посещал ритуалы и молебны, что совершались в храмах. Лишь несколько раз в год, когда его присутствие было обусловлено законом, Кириаль скрепя сердце был вынужден становиться частью древних религиозных ритуалов. И только Лунная охота радовала каждого эльфа и вызывала у них особый энтузиазм. Не было никого, кто отказался бы в служении Селере.

– Да, жрец. Это я, – Кириаль вышел вперед так, чтобы свет, заключенный в магические лампы, упал ему на лицо. – Я прибыл, чтобы вознести молитвы Богу-Отцу. Возблагодарить его за то право назначать Охотника за богами, что он даровал мне. Ну и для того, чтобы ты больше не ныл мне на ухо о том, что я недостойный правитель, раз не посещаю молебны нашим богам.

– Я рад, что вы присоединитесь к нам, ваше величество.

На лице жреца заиграла лукавая улыбка, когда он приглашающе махнул рукой в сторону собравшихся возле алтаря жрецов, чьи бело-серебряные одеяния блестели в слабом магическом свете, не способном полностью разогнать тьму, что царил в храме Бога-Отца. Мужчины стояли на коленях, воздев руки к бронзовому изображению своего бога и раскачивались.

– О, великий Бог-Отец! Твоя власть простирается над всем миром и за его пределами, – молитву верховный жрец начал, еще не дойдя до алтаря. – Твой взор видит гораздо больше, чем доступно нам. Твои уши слышат гораздо больше, чем доступно нам. Ты ощущаешь дыхание вселенной, ты даруешь свою милость, ты караешь неудобных тебе, ты правишь богами. Так

услышь же нас, о великий Бог-Отец, чья мудрость безмерна. Прими нашу скромную жертву и даруй нам свою милость. Да будет воля твоя исполнена каждым смертным.

Жрецы затянули заунывный гимн, который заставил Кириалья поморщиться. Он не любил ритуалы жертвоприношения в храмах именно за то, что гимны-молебны били по нервам, заставляя кожу покрываться мурашками. Король невольно скрипнул зубами, когда в гимне зазвучали высокие ноты, но сдержался и остался стоять там, где стоял. Ему ничего не оставалось, как продержаться до конца ритуала, если он хотел показать жрецам верховного бога эльфов, что не оспаривает власть Бога-Отца на лице Селерана. Тем временем песнопения прекратились. Верховный жрец склонился пред алтарем и достал клетку с двумя белоснежными голубями, его помощник упал на колени и позволил поставить ее себе на вытянутые руки. Сам же старший служитель Бога-Отца плеснул что-то в углубление, что было в центре алтаря, от чего к темным сводам потолка взметнулось яркое желто-оранжевое пламя. Жрецы вновь запели гимн восхваление своему богу.

– Прими наш дар. Он скромн, но чист, – пропел верховный жрец.

В следующий момент он достал из клетки первого голубя. Кириаль поморщился, ожидая жестокого убийства птицы, но жрец лишь выдернул из хвоста три пера и швырнул их в ненасытное пламя. Не глядя, он протянул птицу ближайшему из жрецов и тут же потянулся за второй. Голубь лишился трех хвостовых перьев, как и его брат, и также был предан одному из молившихся у подножия алтаря жрецов. Король удивился. Он привык, что их мир жесток, а жертвенных животных Бога-Отца в большие праздники заживо сжигали на алтарях, но в этот раз птицы отделались лишь перьям. Пламя, горящее в алтаре, облекало бронзовую статую бога в мягкий желтый кокон, который придавал ей ощущение жизни. Кириаль мог поклясться, что Бог-Отец внимательно смотрит на него, а в какой-то момент даже кивнул своему неразумному потомку.

Ритуал жертвоприношения подходил к концу. Два белых голубя были отпущены на свободу и летали по храму, рассекая крыльями воздух. Звук их крыльев сливался со звуками молитвы, которая все еще звенела у алтаря. Жрецы упали на колени и раскачивались в такт своим словам, мелодии гимна. Кириаль мог бы уйти в этот момент, но он стоял и слушал заунывное пение жрецов, стараясь отрешиться от него и обратиться к Богу-Отцу с просьбой покарать всех мятежников, что бродят по его землям.

Молитва закончилась внезапно. Жрецы замолчали, словно по приказу, и замерли перед взором своего бога, сложив руки в молитвенном жесте. Верховный жрец провел рукой над жертвенным пламенем, заставляя его погаснуть, после чего спустился с возвышения, на котором стоял алтарь.

– Я давно не видел вас тут, ваше величество, – его голос казался оглушающим грохотом камнепада в царившей в храме тишине. – Что сподвигло вас прийти на рядовое богослужение, каковые мы проводим каждый день, моля Бога-Отца о милости к Элеану.

– Иногда королю есть, о чем поговорить с верховным богом, – уклончиво произнес Кириаль.

– Я думаю, ваше величество, что знаю причину. Вы хотите, чтобы Бог-Отец присмотрел за Охотником за богами. И вы никогда не обратились бы с просьбой просить его о том к нам.

– От вас ничто не скроется, Отец всего сущего, – улыбнулся Кириаль, впервые обратившись к жрецу его официальным титулом.

Король мысленно усмехнулся. Несмотря на всю свою проницательность, жрец не смог прочитать то, что было на душе у правителя Элеана. Это осталось между ним и Богом-Отцом.

– Такова моя участь, ваше величество, читать души тех, кто приходит в храм Бога-Отца, – жрец сложил руки в молитвенном жесте. – Есть вести от Охотника? Нам следует подготовиться к войне за корону с жречеством, забывшим свое предназначение?

– Охотник за богами успел побывать лишь у жрецов Хессель и Суртэля. Они помнят о своем долге и не помышляют о нападении на корону и смене династии, – спокойно заявил Кириаль, внимательно наблюдая за верховным жрецом Бога-Отца.

У того не дрогнул ни единый мускул на лице. Его взгляд был тверд, а губы сурово сжаты, словно он печется о судьбе эльфийского короля, но не о своей. Однако Кириаль прекрасно понимал, что лишь то, что их судьбы связаны, и падение Скатералей потянет за собой и жрецеский орден Бога-Отца, заставляет его тревожиться и интересоваться о том, чего же достиг Лимиаль.

– Хорошо бы ему ускориться и сосредоточиться на младших богах. Старшие боги и рода давно смирились со своей участью, но в жилах младших горячая кровь. Она вскипает каждый раз, когда у них появляется возможность нанести удар в спину тем, кто старше. Но возвышения младших богов и подвластных им родов допустить нельзя. Это пойдет против законов мира, как божественных, так и тех, что установили смертные.

– Я вас понял, Отец всего сущего, – Кириаль кивнул.

Он хотел, как можно быстрее покинуть храм. Его своды и запах тлевших на алтаре углей начали давить на короля, вызывая у него приступ тошноты. Казалось, что сам Бог-Отец не желал его присутствия при том, что должно происходить под сводами его дома дальше. Впрочем, Кириаль сам не хотел оставаться тут.

– Тогда, я буду ждать добрых вестей от Охотника, ваше величество, – жрец обернулся на алтарь, где продолжали раскачиваться в трансе жрецы. – Я благодарен, что вы стали частью молений Богу-Отцу. Это должно укрепить его уверенность в преданности его потомков ему.

– Непременно, – улыбнулся уголками губ Кириаль. – Да осветит солнце Элеан даже когда погаснет.

– Да будет так, – жрец церемониально прижал к груди руки.

Король эльфов почувствовал себя очень легко и свободно, когда прохладный воздух коснулся его лица. Кириаль не любил молебны и жертвоприношения, но власть не оставляла ему выбора, приходилось переступить через себя и входить под своды храмов, пропитанных жертвенным дымом. Воздух в доме Бога-Отца царапал горло, словно большой хищник свою жертву, он заставлял каждого бороться с приступами кашля, что безжалостно подступали с неотвратимостью приливной волны. А еще он пах полынью. Кириаль не любил этот горьковатый запах, напоминавший ему о жестоком воспитании матушки, которая за любую провинность порола будущего короля веником из этой травы. «Надо выгнать из тебя все зло. Злые духи не проникнут в твою душу! Безумие ярости обойдет тебя стороной!» – приговаривала королева с каждым ударом. Кириаль помнил то чувство унижения, что заливало все его существо. Помнил тот специфический горький запах, что разливался вокруг. Королева сходила с ума к концу своей долгой жизни, и вымещала все свои тревоги на сыне. Кириаль с болью вспоминал те годы, когда матушка, не считаясь с его возрастом, и вымещала на нем свои тревоги и гнев.

– Мы возвращаемся, ваше величество? – Мариаль вырвал короля из неприятных воспоминаний, которые ему навеяло посещение храма Бога-Отца.

– Думаю, да. К Акрималю ехать не имеет смысла, ведь у него нет ничего нового о суете жрецов по поводу артефакта. А привлекать к Корпусу магов лишнее внимание, я не хочу. Потому едем во дворец.

– Как прикажете, ваше величество.

Мариаль оглядел площадь перед храмом, отмечая, что народу прибавилось. Гвардеец следил за тем, как Эстрия просыпалась, как эльфы покидали свои дома и удивленно приветствовали своего короля, что стоял перед храмом. Они явно не были готовы к тому, что монарх окажется в городе без свиты и большого отряда гвардейцев, которые обеспечивали бы его безопасность. К удивлению жителей столицы, король пришел в храм, как обычный эльф: просто молиться богу о милости. Мариаль был уверен, что еще до наступления полудня, каждая птица

в столице будет знать о том, что Кириаль был на утреннем молебне Богу-Отцу. И найдется не менее тысячи эльфов, которые видели его лично, а то и стояли под сводами храма, наблюдая за жертвоприношениями. «Интересно, чью кровь по этим слухам прольют на алтаре Бога-Отца?» – задумался Мариаль, и невольно усмехнулся. Но долго размышлять ему не пришлось, надо было возвращаться во дворец, и сделать это до того, как перед храмом соберется толпа. Он забрал лошадей, привязанных к коновязи и, словно таран, которым разбивают ворота крепостей, пошел через собравшихся, прокладывая королю дорогу. Кириаль же был доволен. Его план сработал, он получил то, что желал почти не прилагая усилий. Осталось обдумать свой следующий шаг. Тщательно продумать, ведь ошибки на этом опасном пути недопустимы.

Глава пятая

*Четвертый месяц лета стилтар. Пятый день месяца.
144 год от рождения империи*

Они устали. Лошади шли тяжелым медленным шагом, щупая дорогу перед собой, стараясь не попасть в яму или не споткнуться о скрытую в грязи корягу или камень. Дорога раскисла, напитавшись влагой, падавшей с небес накануне. Грязь скользила, отчего лошади кивали головами, стараясь удержать равновесие, едва удерживаясь, чтобы не упасть на колени. Люди то и дело натягивали поводья, стараясь поддержать животных, давая точку опоры. Кайя анэ Къель да Скалэй, которая сейчас носила маску эльфийской принцессы Инитэль Скайтераль, признанной дочери короля Элеана Кириала Второго, невольно выругалась, когда наглухо закрытый возок вновь тряхнуло. Девушка выставила вперед руки, чтобы не удариться лицом о противоположную скамейку. Но стоило только ей выпрямиться, кутаясь в теплый плащ, чтобы спастись от холодного воздуха, который задувало в окна, как возок снова тряхнуло. На этот раз вбок. Неуклюжая конструкция заскользила по грязи, норовя перевернуться, несмотря на отчаянные усилия возничего. Кайя с силой уперлась в стену возка, чтобы не удариться теперь уже о нее. Эта дорога выматывала ее не только морально, но и физически. Девушка никак не могла понять, зачем они отправились в столицу Тарэнты не прямым коротким путем, а столь странным, вдоль границы с Мирэй, в обратную сторону от столицы, петляя по лесу. Если наследный принц Тарэнты Уртэй хотел сбить эльфийских разведчиков, то он жестоко ошибался. Королевские маги, что были в распоряжении Лииталья, легко прочитают оставленные ими следы, тем более в отряде было много людей. Скрыть результаты их передвижения было почти невозможно. Эльфийский маг мог отправить магического разведчика на их поиски. В этом Кайя была совершенно уверена и, что греха таить, надеялась на это.

Они медленно ползли вперед. Кайя потеряла счет времени, борясь с качкой. Она точно не знала, сколько лиг они проехали, прежде чем возок резко остановился. Снаружи раздалась отборная ругань. Возок несколько раз качнуло из стороны в сторону, а затем дверца распахнулась, едва не слетев с петель. В проеме показался не кто иной, как сам наследник престола Тарэнты Уртэй Сикримар. Лицо тарэнтского принца было перекошено от едва сдерживаемого гнева. Казалось, еще мгновение, и он кинется задушить Кайю. Девушка недоумевала, что же так разозлило его. Впрочем, это могло быть что угодно, даже упавшая с ветви за шиворот капля воды. Уртэй легко впадал в гневливое настроение, от которого страдали все вокруг. В этот раз, похоже, настала ее очередь.

– Выходи! – рявкнул мужчина, наконец, прекратив испепелять ее взглядом полным ненависти. – Давай поторапливайся! Чего застыла?

– Что вы себе позволяете, ваше высочество? Мало того, что вы нарушили границы империи Мирэй. Мало того, что вы ошиблись осадив эльфийскую крепость в Мирэй, так теперь вы ведете себя столь отвратительным образом, – картинно возмутилась девушка, отдернув руку. – Ведите себя соответственно моему титулу.

– Ты хочешь, чтобы я соблюдал все правила этикета, остроухая? Если ты вообще действительно та, кем прикидываешься... Я продам тебя твоему остроухому папаше как можно дороже, – он осклабился, словно сам оценил свою шутку. – Ты поняла меня? Не строй из себя богиню. Выходи давай, иначе я вытащу тебя из возка за шиворот.

– Когда венценосный отец узнает, что вы сделали, я не завидую участи Тарэнты, – Кайя ставшим уже привычным жестом вздернула подбородок, и окатила Уртэя ледяным взглядом полным презрения. – Он обрушит на вас всю мощь Элеана.

– Что могут сделать эльфы нам? Между нами и Элеаном лиги и лиги, – презрительно хмыкнул Уртэй.

– Трудно сказать, но у нас есть Магический корпус, где несколько тысяч магов. Вы же знаете, на что способен ваш безликий эльф? А теперь представьте, что таких, как он в Элеане много. Очень много. Они способны сравнять Тарэнту с землей и перепахать, чтобы она поглубже оказалась. Вы еще не готовы отпустить меня с извинениями, ваше высочество?

Ответом ей был резкий рывок, от которого у Кайи запрокинулась голова и она едва не полетела в грязь у колес возка. Девушка буквально задохнулась от возмущения, но заставила себя промолчать, показав этому недостойному королевскому отпрыску, что ее не тревожат его ухищрения вывести ее из себя. Она посмотрела на него так, словно он был лишь пылью под ее ногами.

– Что ж... Я поняла, что вы не собираетесь этого делать. Могу сказать вам лишь одно, если капитан Лииталь Камий В'аастер не счел нужным связаться с венценосным отцом магически, то лимринг уже достиг Эстрии. Думаю, что неприятности Тарэнты уже начались. Вы готовы рискнуть не просто короной, но и собственной головой? Мой венценосный отец страшен в гневе, – весь ее вид говорил о том, что она думает о Тарэнте и ее недостойном принце.

– А теперь я скажу тебе, что об этом думаю я, остроухая, – Уртэй вновь осклабилась, таща Кайю с дороги к небольшой поляне, где его армия вынужденно разбивала временный лагерь – колесо возка предательски сломалось в этой жидкой, глубокой грязи, которая целый день чинила им препятствия. – Всем известно, что остроухий король ценит лишь сыновей. Больше того, все знают, что он буквально помешан на сыновьях, которых рожают его жены и многочисленные фаворитки, а дочерям он порой и имя-то не дает. Забывает об их существовании сразу же, стоит им только родиться. Да-да, не удивляйся, слухи о сумасшествии остроухого короля дошли и до Тарэнты. И мы, презренные маложивущие люди, в курсе всех безумств вашего, как ты его там назвала? Венценосного отца. Так вот, даже если лимринг долетел до столицы Элеана, это не означает, что Кириаль пошевелит хоть пальцем, чтобы наказать меня и Тарэнту за свою предполагаемую дочь. Кириалю дочери не нужны, а потому можешь сколь угодно пугать нас всевозможными карами остроухого короля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.